

Дмитрий
ЕРМАКОВ

г. Вологда

МАСТЕР ДЗЮУ-ДО 1

повесть

Если ты упал семь раз, встань восемь.
Дзигоро Кано

Глава 1. Незнакомец на Хитровке

Внежаркий летний день 192* года неподалёку от Яузских ворот у задней стены одного из балаганов Хитрова рынка сидел на перевёрнутом ящике маленький оборванец и, отбивая ритм двумя палками по пустым жестянкам, жалобным звонким голосом распевал:

— Дорогая и милая мама,
Помню время — с тобою я жил.
А теперь что с тобой приключилось,
Что в приют ты меня отдала?

На вид парнишке лет двенадцать. Густые и кое-как постриженные волосы его столь грязны, что и не поймёшь, какого цвета, но скорее всё-таки светло-русые, глаза — тёмно-серые с зелёным ободком вокруг зрачка, нагловатые, уши — оттопыренные и мягко, розово просвечивающие.

— Я лежу на приютской кровати,
Вспоминаю прошедшие дни.
А горячие жгучие слёзы
Так и льются на щёки мои...

Грязный длинный пиджак с подогнутыми рукавами надет на ещё более грязное тощее тело, штаны — с дырой на колене, с бахромой по низу — подвязаны верёвкой, из-под бахромы видны и какие-то штиблеты с подошвами, прикрученными проволокой.

— Я помру на приютской кровати,
Похоронят меня кое-как.
Гроб из серого тёса сколотят
И обрядят в приютский халат...

Перед маленьким оборванцем прямо на булыжниках мостовой валялся картуз с оторванным козырьком. В нём уже посверкивала какая-то мелочь, охотно кидали и ещё. Аккуратная девочка лет восьми, в завязанной, как у мамы, шалашиком, косыночке, в чистом платице и матерчатых туфельках посмотрела на мать.

Та, вытерев углом косынки глаза, вынула из-за пазухи узелок, быстро развязала, подала девочке. Она опасливо подошла к певцу и кинула копеечку в картуз. Мальчишка, не останавливая пения, кивнул и запел ещё жалостливее. У него был не только отличный слух, но и отменные артистические данные.

*Не придет ко мне моя мама,
Не придёт ко мне родный мой брат,
Не прольются горячие слёзы
Над могилой святою моею.*

*Ах, зачем я на свет уродился?
Ах, зачем меня мать родила?
Лучше б сразу меня утопили,
Чем в приюте мне жить и страдать...*

Женщины утирали глаза, качали головами, кидали монеты, мужчины криво усмехались. Хитровский рынок равнодушно шумел со всех сторон. Между людьми тёрлись востроглазые карманники — ширмачи и щипачи.

А мальчишка продолжал:

*— ...Разорвал я приютские цепи,
Ночью тёмной на волю ушёл.
Помогите монетой хоть сколько,
Чтобы мать я родную нашёл!*

Тут он поднялся с ящика, подхватил картуз-бескозырку и пошёл вдоль толпы, приговаривая:

— Помогите бездомному сироте! Помогите чем можете...

Подавали обильно.

— Так ты чей будешь-то, мальчонка, с каких краёв? — спросила толстая тётка в деревенском сарафане.

— Я с Рязани. Младший брат поэта Есенина. Бежал из приюта, собираю на дорогу до дома...

— Так брат-то где? Поэт-от?..

— Зарезали в кабаке, — опустил мальчишка грязную голову на грудь, стараясь скрыть побегавшие слёзы.

— Ой, украли! Милиция! Держите! Украли!.. — раздались в толпе женские крики.

Началась суматоха. Между рядов, расталкивая людей и ныряя под прилавки, бежали

то ли воры, то ли те, кто их догонял. Люди, проверяя заглазники, охлопывая карманы, расходились.

А к мальчишке вихляющей походкой, в кепочке, пиджаке и косоворотке, расшитой по вороту, при этом в городских брюках и сверкающих штиблетах, подошёл некий субъект, произнёс непонятную фразу:

— Балабаны вай², — брезгливо взял картуз, высыпал деньги себе в ладонь. Не глядя пересыпал в карман пиджака. — Мало! Ещё ба-рабань...

— Костыль, я с утра уже...

Субъект, видимо по кличке Костыль, недослушал, схватил левой рукой парнишку за рукав, правой размахнулся:

— Душу отобью, грызун паршивый!.. Ой, о!.. Пусти, с-с-с-с-с! — это он уже кричал и стонал от боли.

Чисто одетый, в костюме-тройке, с галстуком-шнурком, в мягком котелке, с аккуратными усами, невысокий, лет тридцати человек, всё это время наблюдавший за происходящим со стороны, перехватил руку Костыля и как-то так загнул кисть, что тот сразу присел. Причём сделал это незнакомец одной левой рукой, в правой он держал чемоданчик-саквояж.

— Пусти! — дёрнулся, пытаясь освободиться, Костыль. Незнакомец, кажется, ничего и не сделал, но Костыль и вовсе упал на мостовую, пачкая брюки и пиджак.

Незнакомец отпустил его, взял за руку мальчишку и потащил за собой вглубь рынка.

— Пойдём-ка, дружище, пока тут не собрались...

Растерявшийся мальчишка покорно шёл за ним. А севший на булыжники мостовой Костыль, потирая вывихнутую руку, кричал вслед:

— Тебе не жить, фраерок! Не жить! А тебя, Чинарь, лично удавлю.

Они вышли на Солянку, и тут только мальчишка сказал:

— Ты, залётный, чего натворил? Мне ж теперь на Хитровке не жить. И ты берегись. А ловко ты его... Смотри, он фартовый...

— Да какой он фартовый, — ответил мужчина, усмехнувшись. — Шелупонь базарная. Если хочешь, могу с собой взять. Мне проводник по Москве нужен. Родители-то есть?

— Нет никого.
 — Как зовут тебя?
 — Лёнька-чинарь.
 — А меня — Виктор Африканович. Ну, Лёнька, показывай, где тут ближайшие бани...

Вечером сидели в комнате съёмной квартиры за самоваром. Екатерина Семёновна, опрятная сухонькая старушка, хозяйка квартиры, занесла его в комнату, поставила на стол и сказала:

— Пользуйте самоварчик — этот ваш теперь. Кухня видели где. А что-то вы... запаматовала, как зовут... один заселялись-то, — кивнула на аккуратно подстриженного, одетого в новенькую рубашку и штаны, сияющего от удовольствия парнишку.

— Екатерина Семёновна, зовут меня Виктор Африканович, фамилия — Миронов. А это — братишка мой, нашёл сегодня. Лёнька. Поживёт со мной. Вон на диване будет спать...

— Ну, так за бельё надо будет добавить, — серьёзно ответила хозяйка.

— Добавлю, не переживайте, Екатерина Семёновна, — добродушно ответил Миронов. — Сейчас... — он потянулся в карман висевшего на спинке стула пиджака.

— Потом. Пока авансу хватит. Калачи впредь берите в булочной через дорогу, — строго сказала хозяйка.

— Хорошо, — опять согласился Миронов и едва заметно ухмыльнулся.

Старушка вышла, а Миронов засыпал в фарфоровый чайник из кулька заварку и залил из самовара кипятком.

— Ну, Лёнька, сейчас чайку попьем. Купеческого — не купеческого, а крепко будет...

После двух стаканов чаю вприкуску с колотым сахаром и сдобным калачом Лёнька осоловел.

— Ну, пора и на боковую, — видя, что у мальчишки слипаются глаза, сказал Миронов.

Надев пиджак, он вышел в коридор, постучал в комнату хозяйки.

— Да, — раздался девичий голос.

Миронов приоткрыл дверь, старуху не увидел, а увидел симпатичную девушку, сидевшую на венском стуле у окна, выходящего во двор.

— Мне бы Екатерину Семёновну...

— Её нет. А что вам нужно?

— Бельё для братишки.

— А! Она говорила, я забыла, простите. Я принесу.

Девушка поднялась, пошла к комоду.

Вскоре она занесла в комнату Миронова и Лёньки подушку, простыню и одеяло.

— Спасибо, — принимая от неё бельё и подушку, сказал Миронов. И добавил: — Простите, не знаю вашего имени...

— Лиза, — ответила девушка, опустила голову и тут же вышла из комнаты, так что Миронов не успел назвать ей своё.

Он быстро заправил диван для Лёньки, который уже спал, опустив стриженую голову на стол.

— Ну-ка, братишка, раздевайся и ложись, — осторожно потряс его за плечо Миронов.

Мальчишка раздевался — под рубашкой и штанами было белое летнее бельё. И сквозь сон говорил:

— ...Я вот не пойму только, Виктор Африканович, ты кто есть-то? Ежели бы блатной, так не стал бы меня выручать. На легавого тоже не похож... Блатную музыку³ понимаешь... На фартового руку поднял... Не пойму я...

— Раз уж мы с тобой братья, называй меня Виктор, фамилия наша — Мироновы, — говорил Миронов, подтыкая одеяло.

А Лёнька уже блаженно спал, так и не найдя пока что ответы на свои вопросы.

Миронов загасил лампу и улёгся на кровать. Прежде чем провалиться в сон, увидел шипящую пенную кромку океанского прибора. Потом — зал с высокими окнами... Людей в белых кимоно... И услышал команду мастера: «Хаджиме!»⁴

Глава 2. Васирий верикорепный

— Хаджиме! — скомандовал сэнсэй, и десять пар учеников начали старательно проводить различные броски.

Хотя и сэнсэй, и ученики — все были русские (человека три — скуластые и раскосые, но всё-таки русские), командовал он сегодня только на японском.

Ещё бы, ведь вместе с ним за изучением и оттачиванием техники наблюдал настоящий япо-

нец, выпускник знаменитого Кодокана⁵. Впрочем, сэнсэй Василий — «Васирий», произносит японец, — тоже выпускник Кодокана.

«Господа! Владивостокское общество «Спорт», расположенное по адресу: Корабельная набережная, дом 21, имеет честь пригласить вас на занятия новой японской борьбой дзюу-до. Занятия будет проводить г. Ощепков⁶.

Василий Сергеевич несколько лет жил в Японии, окончил в Токио школу дзюу-до Кодокан. За свои успехи был удостоен чёрного пояса к кимоно из рук основателя школы Дзигоро Кано».

Такое объявление появилось во владивостокских газетах весной 1915 года. А сейчас уже июнь семнадцатого, и кое-что первые ученики господина Ощепкова уже умеют.

Невысокий сухой японец в белоснежном кимоно благосклонно смотрит на спортсменов и кивает. Впрочем, у Ощепкова кимоно не менее белоснежное, да и все спортсмены были заранее предупреждены и постарались: прокипячённые, отглаженные и накрахмаленные кимоно стоят колом.

— Сэой-нагэ⁷! — кричит сэнсэй, и тут же все тори⁸ проводят бросок через спину, а все укэ⁹ выполняют укэми¹⁰ так, что звон стоит на весь большой тренировочный зал — «додзё»¹¹, как называет его Ощепков.

— Таи-отоси! — командует Ощепков, и все выполняют переднюю подножку.

— Ката-гурума! — Все делают «мельницу». Кто-то замешкался, и тренер тут же подошёл, вскинул укэ на плечи и, подстраховывая, бросил на татами.

Вернулся к японцу, что-то сказал ему, и тот, кивнув, скомандовал:

— Учи-мата!

Будто чайки взмахнули белыми крыльями: выведение из равновесия, подворот, мах — все выполнили бросок подхватом под одну ногу.

Японец кивнул и улыбнулся.

— Рандори¹²! — скомандовал Ощепков.

Пары разошлись по залу, застеленному татами.

— Хаджиме! — Поклонились, начали бороться.

Сэнсэй подозвал одного из учеников. Поклонились. Захват. Ощепков дал ученику возможность почувствовать борьбу, попробовать провести атаку, и лишь затем последовал вне-

запный молниеносный бросок. Так же произошло и со следующим, и со всеми по очереди учениками.

— Матэ¹³, — остановил борьбу Ощепков.

Пригласил жестом и что-то сказал японскому гостю. Они вышли на середину зала. Василий Ощепков рядом с японцем выглядел как настоящий русский богатырь. Если только богатыри бывали лысые: Ощепков стрижен «под ноль».

Ученики сели вдоль стены, по-японски подогнув под себя ноги, и уже ожидали увидеть настоящую схватку. Но увидели не менее интересное действо. После поклона оба дзюдоки¹⁴ сблизилась скользящими шагами, одновременно взяли захваты за отвороты кимоно. Это был прекрасный боевой ритуальный танец, слаженность движений завораживала: атаки, защиты, контратаки с переходами на удержания и удушающие захваты. В конце они снова встали друг к другу лицом и поклонились.

— Это называется «ката» — специальные упражнения, — пояснил Ощепков для учеников.

Японец, повернувшись к русским дзюдоистам, указал рукой на партнёра и сказал:

— Васирий верикореппный! — а по-японски добавил для Ощепкова: — Васирий-сан, мои ученики будут состязаться с вашими воспитанниками.

Пока тренер провожал японского гостя, все оставались в зале. Ощепков вернулся.

— Ну что, Василий Сергеевич?

— Поздравляю, господа. Томабэци согласен. Встреча состоится шестнадцатого июня в три часа пополудни. Шесть на шесть. Решили разделить на две категории: по три человека — в лёгкой и по три — в тяжёлой.

Неделю назад во Владивосток прибыла делегация студентов высшего коммерческого училища города Отару. Поселили студентов и руководителя делегации в гостинице «Золотой якорь», старались всячески ублажить. «Установление добрососедских отношений с японцами, ещё не так давно бывших нашими военными противниками, — важнейшее и почётнейшее дело для всякого жителя Владивостока», — писали газеты.

Впрочем, Томабэци Хидэтоси в первый же день по приезде заявил, что хотел бы встретиться с господином Ощепковым, о чём пришлось

обращаться в отдел контрразведки Штаба крепости Владивосток, где и служил переводчиком унтер-офицер Василий Ощепков.

Разрешение было получено, встреча состоялась в клубе «Спорт». Томабэци был наслышан о русском, ставшем несколько лет назад чемпионом Кодокана, обладателе первого дана. Сам Томабэци имел второй дан и окончил Кодокан в тот год, когда подросток Вася Ощепков был в него принят. В училище в Отару, где Томабэци преподавал математику, как во всех учебных заведениях Японии, была своя школа дзюдо. Томабэци преподавал и в ней, и среди студентов, отобранных для поездки в Россию, — все были дзюдоисты.

Двое: Ощепков — высокий, широкоплечий, прямой и при этом какой-то мягкий, изящный, в добротном гражданском костюме, в широкополой шляпе (решили не говорить японцу о его принадлежности к контрразведке), и его собеседник — пониже ростом, но в ширине плеч не уступающий Ощепкову, с виду моложе лет на пять, тоже в гражданском (и тоже с недавнего времени сотрудник контрразведки) — шли по набережной. Шумел город звонками трамваев, криками уличных торговцев, звуками оркестра из парка; шумело море вечным прибоем. Пахло водорослями, углём, горячими калачами из чайной. Над водой, пронзительно крича, носились чайки. Наступающий вечер подсвечивали бесконечные, как море, солнечные блики.

— Ну, Виктор, не знаю, как другие, а ты должен... На тебя я рассчитываю.

— Постараюсь, но, сам понимаешь, гарантировать не могу.

— Ты мой лучший ученик. А они даже не учащиеся Кодокана. Лучших из них Томабэци сможет рекомендовать к обучению в Кодокане, но примут ли там — ещё большой вопрос.

— А тебя-то как приняли, Василий?

— Ну, у нас в семинарии в православной миссии тоже дзюдо было. Да я тебе рассказывал...

— Не всё рассказывал, — возразил Виктор Миронов (а это был он).

— Как раз я туда поступил, когда дзюдо стало обязательным во всех учебных заведениях Японии.

— Да, разбросало нас тогда: тебя — в Японию, меня в Хабаровск увезли, — кивнул Миронов.

— Я через год на каникулы в Александровск приезжал — тебя уже не было... Так вот три года в миссии три раза в неделю обязательные занятия были. А у нас там ведь в большинстве японцы учились, русских всего человек пятнадцать, все с материка. Из сахалинцев я один да Юркевич Трофим. Помнишь такого? — Виктор кивнул. — Потом сэнсэй наш Окамото Сюн отобрал пять человек — трёх японцев и двух русских — для поступления в Кодокан. Владыка благословил. Ну, привели нас, додзё там большое, усадили на пятки, и вышел сам Кано читать нам лекцию. Маленький такой, сухой... И стал он говорить, а мы на пятках сидим. И до того он нудно говорил, да часа два... Некоторые усыпать начали, кто-то даже упал. А я высидел, не шелохнувшись. Правда, когда вставать стал, тоже повалился: ноги не держали. Тут мне и сказали, что принят. Я знал, что у них специально смотрят: кто не шелохнётся — того и берут.

— Откуда же ты знал?

— Окамото на ухо шепнул. Я у него лучший был ученик. Вот как ты у меня, — усмехнулся Ощепков, и непонятно было — шутит он или говорит правду.

— Сегодня, пока смотрели на ваши танцы, сидели на пятках, так я уже думал: не выдержу, — сказал Виктор.

— Это не танец. Это — ката. Всем не нужно, а с тобой разучим. Я осенью в Японию собираюсь, в Кодокан, сдавать на второй дан. Вернусь, у тебя приму экзамен на первую мастерскую степень, первый дан, так что готовься, Виктор.

— Буду готовиться. Мне нравится...

— Возьму к себе в клуб, вместе будем...

— Подожди, какой клуб?

— Хочу я, господин Миронов, оставить военную службу и открыть свой клуб, своё додзё, и помощник мне весьма будет нужен. И победа шестнадцатого июня над японцами нам совсем не помешает, а как раз поможет в создании такого клуба. Ты ведь в экспедицию с господином Арсеньевым не собираешься в ближайшее время?

— Позовёт — пойду. Но пока не зовёт. Если бы ты знал, Василий, какой это человек и что такое приморская тайга...

— Да я бы не прочь с ним познакомиться.

— А где японцы будут тренироваться до встречи? — спросил Миронов. — У нас в клубе? Может, сходить посмотреть заранее на их тренировки?

— Нет, они уже тренируются в школе дзюдзю-цу Утиды Рёхэя, но туда, как ты знаешь, русским хода нет.

Виктор кивнул. Все во Владивостоке знали школу джиу-джитсу Утиды, в которую принимались лишь японцы. Знал Виктор и то, что Утида — японский разведчик, он всё-таки и сам служил в контрразведке.

Так, разговаривая, дошли до перекрёстка, на котором подали руки и разошлись каждый в свою сторону. Миронов видел, как Ощепков направился к прибрежному кафе, остановился, раскланиваясь, перед столиком, за которым сидела весьма красивая дама. Самого Миронова в то время ещё никто не ждал ни дома, ни в кафе.

Шестнадцатое июня была пятница, разговор между Ощепковым и Мироновым состоялся в понедельник.

В среду была ещё одна тренировка, на которой Ощепков окончательно отобрал шесть участников для встречи с японцами. Ещё раз показал все основные приёмы техники школы Кодокан, защиты и контрприёмы от них.

— А если душить начнёт? — спросил тревожно самый тяжёлый могучий мужчина, работавший в полицейском управлении, прежде никогда не выказывавший страха.

— Мы же изучали с вами удушающие захваты и защиты от них, — внимательно взглянув на него, ответил Ощепков. — Если попадёте на удушающий и не сможете защититься, сдавайтесь похлопыванием по татами. Не успеете похлопать — приведём вас в чувство.

Тут здоровяк и вовсе побледнел.

— Василий Сергеевич, можно я вместо Потапова буду бороться? — попросил один из оставшихся в запасе.

— Нет-нет! Я только спросил, — тут же возразил сам Потапов.

Ощепков кивнул. Он помнил своё волнение и перед первой тренировкой ещё в семинарии, и перед первой учебной схваткой в Кодокане, и перед чемпионатом Кодокана, который он

блестяще выиграл четыре года назад.

— Виктор Африканович, можно вас!.. — позвал он Миронова. Тот поднялся, подошёл, поклонился. — Напоминаю, что очень большое значение в дзю-до имеют правильный захват и передвижения. Японцы блестяще владеют подсечками и, заставляя противника с помощью захватов двигаться в нужном им направлении, ловят его на неверном движении — высоко поднятой над татами ногой, скрещивании ног. И подсекают. — Сказанное он тут же продемонстрировал на Викторе Миронове.

В пятницу, 16 июня 1917 года, зал на Корабельной набережной в доме номер 21 был полон спортсменов и зрителей. Схватки между японцами и русскими вызвали живейший интерес публики. К общему удовольствию, встреча закончилась вничью, три схватки выиграли ученики Ощепкова, три — ученики Томабэци.

Виктор Миронов победил в блестящем стиле: он бросил соперника через спину с коленей и провёл моментальный болевой приём. Выиграл и боявшийся удушения Потапов.

Выступил с показательным выступлением и сам Ощепков.

За всеми схватками внимательно наблюдал матёрый разведчик и последний представитель клана дзю-дзюцу утида-до — Утида Рёхэй.

В газете «Дальняя окраина» так написали об этом вечере: «В помещении Владивостокского общества «Спорт» состоялось весьма интересное состязание по дзю-до прибывших из Японии со своим преподавателем господином Хидетоси Томабэци экскурсантов-воспитанников высшего коммерческого училища города Отару и местного спортивного кружка «Спорт», организованное руководителем этого кружка В. С. Ощепковым, при личном участии самого господина Ощепкова, привлечшего массу публики. Некоторые приёмы самозащиты были продемонстрированы господином Ощепковым, причём нападения на него делались не только при встрече лицом к лицу, но и сзади...»

В тот же вечер после дружеского ужина в ресторане гостиницы «Золотой якорь» Ощепков и Миронов шли по набережной.

— Виктор, ты как-то рассказывал мне о найденной на хунхузской фанзе китайской книге с

приёмами борьбы...

— Да, было дело. Так я ж её в штаб и сдал, в архив.

— Неужели не интересно было посмотреть? — удивился Ощепков.

— Я посмотрел. Думал, потом ещё возьму из архива, да всё некогда.

— Вот такой надписи на ней нет? — Ощепков вынул из кармана карандаш и записную книжку, нарисовал несколько иероглифов и показал Макарову.

Тот внимательно всмотрелся. Иероглифы были китайские.

— Да, именно такая надпись на обложке...

— Обязательно надо эту книгу найти. Когда мы создадим свой клуб, свою школу, будем заниматься исследованием всех видов единоборств: китайских, японских, корейских...

— Борьба у всех народов есть, — согласился Виктор.

— Вот всё и нужно собрать, изучить, отобрать лучшее, как это сделал Кано Дзигоро в отношении японских школ дзю-дзюцу. А в той книге основы будущего дзю-дзюцу, ещё до японского времени, ведь основа этой борьбы в Китае.

— В Японии всё изначально китайское!

— Да-да, — улыбнулся Ощепков и поменял тему разговора: — А ты молодец, отлично боролся. И вообще, у нас, видимо, кое-что уже получается, если сам Утида-сан к нам пожаловал...

Они расстались на том же месте, и Ощепков снова пошёл к столику в кафе, ещё пустому. А Виктор — на свою казённую квартиру.

Глава 3. Старые каторжане

Лёнька проснулся затемно. Тихонько встал, сходил в уборную. Миронов спит на высокой панцирной кровати, отвернувшись к стене.

Пиджак висит на спинке стула. Бумажник во внутреннем кармане, Лёнька заметил это ещё вчера.

«Прямо сейчас лопатник¹⁵ взять, и угол¹⁶, бочата¹⁷ — и рвануть, — мелькнуло в голове. Но тут же и другое мелькнуло: — Куда — с этим? Где тебя ждут? На Хитровке сразу на ножи поставят...»

Виктор в это время развернулся, открыл глаза и сказал совсем не сонным громким шёпотом:

— Лёнька, ты чего не спишь? Давай ложись ещё. Мы теперь, брат, вместе будем. Ты мне нужен, а я — тебе...

Лёнька покорно прошлёпал к дивану и нырнул в тепло под одеяло. «И зачем я ему нужен?.. Точно, вор залётный...» — подумал Лёнька и не то чтобы крепко уснул, а окунулся в какое-то сонное, туманное воспоминание.

А помнилась рыжая кирпичная стена. Трещины на той стене. За ней — высокое, в три этажа, здание из красного кирпича. Потом он узнал, что это тюрьма. Каторжная тюрьма. И каждое утро шли мимо окон их лачуги несчастные. Это мать их называла так — «несчастные». А отец посмеивался: «Какие они несчастные — братья-разбойнички!» А вечером шли обратно. И это шарканье десятков подошв о булыжник центральной улицы их села, и унылое пение — «арестантская колонна по Сибирскому тракту идёт» — остались в памяти Лёньки на всю жизнь. Отец тоже был из них, из разбойников, но уже на вольном поселении, а мать приехала к нему, и он, Лёнька, родился уже там, в каторге. С детства каторжник... Помнились далёкие горы и близкие пологие холмы, весенняя зелёная степь, пронзительно голубое небо и дорога в степи. Их подвода скрипит всеми четырьмя колёсами. Они едут на станцию Борзя. На всю жизнь запомнилось и это название. Мама уже болела, всё кашляла, почти не вставала. А отец шамкал беззубым ртом: «Швабода, швабода...» То была весна семнадцатого года — амнистия уголовным и политическим.

Где-то у станции Борзя на затерянном в забайкальских степях кладбище лежит Лёнькина мать. Долго носил он в карманах своих лохмотьев маленькую бумажную иконку: казалось, что она хранит тепло маминой руки. Он совсем не помнил её... маму. Представлял только, как что-то прекрасное, давнее. Или будущее... Да, бывало и такое: в свои десять-одиннадцать лет Лёнька нет-нет да и думал: умру и где-то там встретит меня мама.

Миронову в эти минуты тоже вспомнилось его каторжное сахалинское детство. Он улыбнулся во сне. И проснулся. Услышал, что Лёнька всхлипывает. Виктор Африканович поднялся, подошёл к дивану. Увидел, что Лёнька спит.

Подождал. Тронул за плечо.

— Вставай, братишка. Теперь пора, беги-ка самоварчик поставь.

В кухне Лёнька растерялся: не знал, что делать с самоваром.

— Давай, парнишка, помогу, — сказала доброжелательная девушка (это была Лиза). — Что ж ты самовар ставить не умеешь? — улыбнулась.

— Я их только тягать умею, — непонятно для девушки сказал Лёнька, но предоставил ей заняться самоваром.

— Я занесу вам, — сказала девушка.

И Лёнька охотно согласился. Он вернулся в комнату.

Миронов к этому времени уже побрился и умылся над рукомойником. Голый по пояс, мускулистый, он в одних белых подштанниках выполнял странные движения. По-кошачьи выгибался, размахивал руками, мягко приседал на ногах. И вдруг взмахом ноги сшиб стоявшую на этажерке статуэтку лошади, но сам же и подхватил её в воздухе рукой и поставил обратно.

— Здорово ты, Виктор Африканович!

— Виктор. Зови меня Виктор. Ну-ка, бей, — он напряг пресс.

— В пузо, что ли? — недоверчиво сказал мальчишка.

— В живот. Ну, смелее.

— Да... А потом ты мне шею намылишь...

— Не бойся.

И Лёнька стукнул. Будто в кирпичную стену. Даже подул на кулак.

— А теперь в голову бей.

Лёнька махнул рукой, и тут же был будто спелёнат, аккуратно уложен на пол, а рука его оказалась захвачена на изгиб против локтя.

— Ловко ты!.. Виктор. Меня научишь? Ты в цирке, что ли, работал?

— Научу. Доводилось и в цирке выступать, это ты верно угадал.

Дверь распахнулась. Лиза держала в руках воркующий кипятком самовар, а дверь толкнула ногой и растерянно застыла.

— Простите, Лиза. — Миронов поспешно отшагнул так, чтобы его не было видно. — Леонид, возьми.

Лёнька не сразу даже понял, что это ему сказали.

— Ну! — ещё цыкнул на него «старший брат».

— Простите, — наконец выдавила из себя покрасневшая Лиза и передала самовар.

— Елизавета! — послышался из коридора голос хозяйки, и девушка поспешно закрыла дверь.

— Ничего шмара! — деловито сказал Лёнька, ставя самовар на стол.

— Я тебе дам — шмара! — тут же отвесил ему не сильный подзатыльник Миронов.

— Во-о-от! Началось. А ещё брат... — огрызнулся Лёнька.

— Ну, не обижайся, брат. Она девушка. Лиза. Умывайся и — за стол. Почаёвничаем.

Сидели и пили чай со вчерашними калачами.

— Значит, мы с тобой, Леонид, оба из каторжных. Ты — с нерчинской каторги, а я — с сахалинской. Да, брат, довелось тебе горя хлебнуть. Так отец-то уже тут умер?

— Да. Он сначала-то с каторги хотел в деревню какую-то... под Вологду — город такой, а там — деревня... Забыл, как называется. Он оттуда родом. Да пока поездом ехали, его фартовые сговорили в Москве остаться. Вот с тех пор мы на Хитровке. Меня сначала бабе какой-то отдали, хипеснице¹⁸ бывшей. Клиентов уже не могла найти, так стала со мной побираться. Потом уж я один...

— Значит, ты всех на Хитровке знаешь?

— Всех.

— А скажи-ка, не появлялся там в последнее время японец? Ну, не в трущобах, конечно, и общался, скорее, с паханами, — спросил Виктор.

— Может, фазан... ну, китаец?..

— А ты китаец от японца отличишь?

— Неа.

— Ну, тогда, может, и китаец, — усмехнулся Миронов.

— Фазанов на Хитровке много бывало, и сейчас есть. Говорят, появился недавно какой-то фартовый фазан. С самим Емелей дела имеет. А Емеля, знаешь, он с Яшкой Кошельковым водился, пока того не шлёпнули лягавые. А Яшка самого Ленина на гоп взял¹⁹.

— Ну-ну, ты тут мне про всех-то босяков не плети, — оборвал Лёньку Миронов. — А этого фазана ты сам видел?

— Один раз, мельком.

— А имя его знаешь?

— Нет. Подожди... Вроде Учитель его называли.

— Может, Утида? — насторожился Виктор.

— Может. Я раз возле каторги кантовался.

— Это что такое?

— Да кабак так называют. Но тот кабак не для босоты, там наверху, говорят, такие партаменты...

— Апартаменты, — автоматически поправил Миронов.

— Я и говорю — партаменты. Там Емеля часто бывает... Вот и смотрю: пролётка остановилась и двое из неё вышли. Лиц не видно. Халдей²⁰ на входе спрашивает: к кому, мол. Один говорит: «Учитель к Емеле по делу». И сразу прошли...

— Ну что ж, вот эту каторгу мы сегодня и проверим.

— Ну, это между своими «каторга», а вообще — «Трактир у Брыкова». Только я не пойду — мне ещё жизнь дорога. И тебе не советую, хоть ты и циркач.

— Со мной можешь не бояться. Ну, пошли.

— А про себя-то ты почти ничего и не рассказывал, — спохватился Лёнька.

— Будет ещё время, братишка, расскажу, — надевая перед зеркалом пиджак, ответил Миронов.

Лёнька хоть побаивался идти на Хитровку, а и хотелось, чтобы увидели его в обновке, да ещё и со старшим братом, который никого не боится.

— Так рано же ещё. Они там только к ночи и собираются.

Виктор вытянул за цепочку часы из кармана, откинул крышку — мелькнула гравировка на внутренней её стороне, посмотрел время.

— Ну, во-первых, может, они ещё и не разъехались, если с ночи. А во-вторых, осмотримся на местности. — Зашёлкнул крышку и убрал часы.

— Котлы знатные у тебя...

— Часы эти подарены мне самим Владимиром Клавдиевичем, — и добавил: — Арсеньевым.

— А это кто?

— Потом расскажу.

— Ну, видно, не из бедных, если такие подарки делает, — заключил Лёнька, и они вышли из комнаты.

— Доброе утро, господин Миронов, — с полупоклоном сказала хозяйка, как раз выходившая

из своей комнаты.

— Доброе утро, Екатерина Семёновна.

— Так непременно калачи и сахар берите в нашей булочной, — настойчиво сказала старушка.

— Всенепременно! — откликнулся, усмехнувшись в усы, Виктор Африканович Миронов.

Хитровка, как и вся центральная старая часть Москвы, в это время была ещё тихая, сонная. Слышалось шарканье дворницких мётел, изредка неторопливое цоканье копыт, неожиданный и тут же оборвавшийся всплеск пьяной песни из двери какого-то трактира — отголосок ночной гулянки. Под фонарём стоит постовой милиционер. Балаганы, ларьки, павильоны ещё пусты, тянет самоварным дымом из окна ночлежки. А вон и вывеска — «Трактир у Брыкова». Да, сразу видно, что заведение не для нищеты. Однако неподалёку от входа сидел самый настоящий нищий, подогнув ноги так, что доверчивый человек мог подумать, что и нет у него ног.

К нему-то сразу и направился Миронов:

— Привет, дядя. — Не мелочь в кружку кинул, а бумажку какую-то прямо в руку вложил.

— Благодарствую, — ответил «дядя». На Лёньку глянул: видимо, узнал, но ничего не сказал.

— Давно на якорь сел? — продолжил Миронов.

— Чего?

— Разошлась весёлая компания или там ещё? — кивнул Виктор на дверь трактира.

— Я почём знаю! Кто разошёлся, а кто и там...

— Емеля здесь?

— Может, и здесь. Тут один, что ли, выход! — усмехнулся нищий.

— А учитель? — наудачу спросил.

— Чего? Не знаю никакого учителя...

Миронов увидел, что от двери на него смотрит одетый в толстовку парень и, больше не задерживаясь, пошёл в трактир.

Парень хотел, но не успел кого-то предупредить внутри, преградил вход.

— Закрыто, товарищ.

— Так открой. Я — к Емеле.

— Таких не имеется.

— Я только посмотреть, — вежливо сказал Миронов.

Наступил парню на ногу и ткнул пальцем в

живот. Парень прижался к косяку и замолчал. Миронов вошёл, Лёнька проскользнул за ним. Ему было и страшно, и интересно, чем же дело кончится.

В нижнем помещении было пусто, стулья перевёрнуты и поставлены на столы, и, видимо, парень как раз подметал тут перед их приходом.

Лестница наверх. И кто-то спускается по ней.

— Доброе утро, — вежливо сказал Миронов.

Увидевший его Костыль замер от неожиданности. Но тут же сунул руку в карман и громко — так, чтобы слышали те, кто были на втором этаже, — заговорил:

— Сам пришёл, фраерок залётный. Ну, щас я тебя попишу, — выхватил из кармана нож с выкидным лезвием. — И ты, Чинарь, тут. Ну...

Но договорить он опять не успел: нож, выбитый из руки, звякнул о ступени. Лёнька тут же поднял его, сложил лезвие и сунул в карман, а сам Костыль летел вниз головой по лестнице и в конце своего свободного полёта ещё вцепился в парня, что стоял на входе и зачарованно смотрел на происходящее.

— Чего там, Костыль? — раздался голос из глубины помещения второго этажа. Миронов замер, рукой показал Лёньке: не двигаться. — А чего?

И тут Миронов сказал громко:

— Малина, душа чалдонская, не стреляй, — и шагнул с лестницы в коридор. Лёньке сказал, обернувшись: — Тут побудь.

По коридору было несколько дверей. Одна приоткрыта.

Туда и шагнул Миронов. В кресле у окна, перед столом, заставленным бутылками и тарелками с едой, сидел крепкий, с тёмными, красиво спадающими на лицо кудрями, человек в нижней рубашке и галифе, на шее под рубашкой болтался большой крест на золотой цепи. У окна сидел ещё человек с угрожающей внешностью — медведеподобный, в тёмной одежде. Дверь в соседнюю комнату чуть приоткрыта, и там, как показалось Виктору, мелькнула женская фигура.

— Здорово, Малина.

— Здорово, Мирон, здорово. — Малина поднялся и оказался на голову выше Миронова.

— Здорово, землячок. Ну, обнимемся, что ли, — и они похлопали друг друга по спинам.

— Вот же!.. А я слышу: голос твой. Да и кто ме-

ня тут по детской кличке может знать? Только свой — сахалинский. Какими судьбами? — говорил Емеля, он же Малина.

— Надо бы поговорить. Только с глазу на глаз.

— Шкура, — тут же кивнул бандит Емельянов второму сидевшему в комнате. Тот поднялся, пошёл к двери.

— Там парнишка в коридоре — Лёнька. Он со мной.

— Не тронут, — сказал Емельянов.

Молча кивнул на ходу Шкура.

— Так это ты вчера Костыля обидел и огольца увёл, — обратился Емеля к гостю.

— Да я его и сегодня уже обидел, обидчивый он, — усмехнулся Миронов.

— Верка, пошла! — крикнул в приоткрытую дверь Емельянов, и из соседней комнаты, оправляя платье, вышла девушка; проходя через комнату, косо глянула и улыбнулась гостю. — Ты-ы, лярва... — вроде как даже ласково сказал бандит и хлопнул её по задку. Девка взвизгнула и выскочила из комнаты. — Садись, рассказывай, — указал на свободное кресло Емельянов. — Будешь? — взял со стола бутылку.

— Нет, — усаживаясь, ответил Миронов.

Емельянов налил себе в стакан, выпил, закусил куском размякшего сала. Закурил.

— Детские обиды забудем. Было: обижал я тебя. А теперь ты сам кого хочешь обидишь. Ощеп-па тебя научил.

— Да. Василий Сергеевич школу хорошую дал. Ты, значит, тогда из Владивостока — в Москву?

— Только в семнадцатом. Вот с отцом этого Чинаря в поезде и сошлись, он тогда совсем шкет был, а батя у него видный каторжанин. Погуляли тут. Но он, батя Чинаря, Молоток кличка была, скоро на тот свет отправился, а я вот, видишь... Хитровку вот так держу, — он крепко сжал кулак. — Здесь тебя никто не тронет. За всю Москву не скажу. Чем могу — помогу. Ты ведь... не легавый? Не поймёшь тебя...

— Нет, я не служу в милиции.

— Значит, где-то всё-таки служишь. Ну, говори, чего надо.

— Николай! — Виктор Миронов вспомнил имя своего соседа и соученика по Александровскому реальному училищу. — Меня интересует один человек. Мне кажется, он должен был к

тебе обратиться. Японец...

Лишь на мгновение мелькнула искра в глазах Емельянова, и опять стали они как бы равнодушными ко всему.

— Ко мне многие обращаются. Вот и ты, — сказал он лениво, выдувая сигаретный дым и стряхивая пепел в блюдце с дольками лимона.

— Меня бандитские ваши дела не интересуют. А этот — он враг нашей страны. Да ты ж сам видел, как они на Сахалине хозяйничали в девятьсот пятом и во Владивостоке в восемнадцатом...

— Тебя наши дела не интересуют, а меня политика не интересует. Мы, бродяги, воры, при любой власти — сами себе власть! — куражливо проговорил Емельянов. — Ладно, скажу. Подкатывал японец. Я его ещё по Владивостоку знал. Тоже, как Ощепков, каким-то джиу-джиу занимался...

— Утида?

— Да, да, он. Утида. Ко мне халдей прибегает снизу — к вам, говорит, какой-то учитель, — хотнул Емеля.

— Что он хотел?

— Большие деньги давал за то, чтобы я организовал рывок какой-то книги из библиотеки. Я ему говорю: ты пойдёшь запишешься в библиотеку и возьми сам. Я знаю, книжки читаю. В тюрьме тоже библиотеки есть. «Граф Монте-Кристо», помню, в Хабаровске когда сидел, читал...

— Ну...

— Не нукай. Не впрягся я. Книга-то непростая оказалась, и в библиотеке непростой. В спецхране ГПУ. Попробуй-ка возьми! А деньги хорошие давал. Вот всё, что тебе как каторжанин каторжанину сказать могу, МIRON. Товарищ МIRONОВ.

— А чего он так вот — прямо под своим именем? — как бы сам себя спросил МIRONОВ.

— Значит, ксива²¹ в порядке и с советским законом никаких у него недоразумений нет. Он вроде бизнесмен какой-то, торговец...

— А где живёт, не говорил?

— Нет. А где может жить честный иностранец в Москве?

МIRONОВ молча кивнул.

— Ну чего, поешь? Не побрезгуй. Свежего закажем. Пацана зови.

— Да нет, Малина, — опять назвал Емельянова по детскому прозвищу МIRONОВ. — Пойдём мы.

— Ну, дело твоё... И знаешь, МIRON, тебя не тронут, но со мной лучше тебе больше не встречаться, — сказал Емельянов.

— Да. И тебе — со мной, — ответил МIRONОВ, поднялся и, не подав руки, вышел из комнаты.

Лёнька на улице рядом с трактиром о чём-то увлечённо говорил с беспризорниками. МIRONОВ подошёл. Лёнька поспешно спрятал ножик в карман.

— Отдай у кого взял, — велел Виктор.

— Фатовый, угости папироской, — тут же попросил один из беспризорников, другие тоже обступили МIRONОВА.

— Я вас, огольцы!.. — шутливо прикрикнул тот, оттолкнул самого настырного и пошёл прочь от трактира.

Лёнька подал нож вышедшему на крыльцо Костылю. Тот забрал молча, но посмотрел на парнишку зло. И ещё злее — вслед Виктору МIRONОВУ.

Лёнька догнал «старшего брата», и они пошли в сторону Яузских ворот, мимо уже заполнявшихся прилавок, мимо въезжавших на рынок гружёных телег, мимо постового...

Глава 4. Остров Сахалин

— ...Родился я, Лёнька, на острове Сахалин. Это ещё дальше на восток, чем твоя Нерчинская каторга. Хоть отбывал твой батя, а и тебе, и матери твоей там беды хватило — по себе знаю...

Лёнька нахмурился, с шумом потянул из стакана чай.

— Не фыркай!

— Никакой у меня там беды и не было...

— Ну да! Какая беда дитю малому?

— Ты про себя расскажи, Виктор, — грубовато оборвал МIRONОВА Лёнька.

Это уже вечером, после хлопотливого дня они сидели в своей комнате и опять пили чай. Калачи, как было указано хозяйкой, МIRONОВ купил в булочной напротив, а в книжной лавке рядом с булочной приобрёл книжку рассказов Чехова.

— Грамоту знаешь?

— По складам читаю, — ответил Лёнька.

— Будешь читать. Он, — МIRONОВ указал на

портрет Чехова в книжке, — тоже каторжанин.

— Чего-то не похож. Из политических, поди-ка? — ответил Лёнька.

И вот пьют чай. Книжка тут же, на столе. Разговаривают.

— Так вот, отец мой Африкан Пантелеевич Миронов, как и твой, был ссыльно-каторжным. Мать, когда осудили его, с ним сама поехала. Вот нам про жён декабристов рассказывают — мол, дворянки, за мужьями в Сибирь поехали... А про крестьянок, которые так же поехали, кто рассказал? А их сотни тысяч за все-то годы добровольно на каторгу за мужьями ушло. Вот только он, Антон Павлович, и рассказал. Есть у него такая книга — «Остров Сахалин»...

Лёнька слушал с интересом, хотя и не всё понимал.

— Вот и поплыли они на пароходе «Доброфлота», в трюме жарком и тесном. Слышал, небось, песню — «Чёрное море, белый пароход. Едем мы в трюме на Дальний Восток»? Вот про них. Настрадались, пока доплыли. На Сахалин прибыли где-то в конце восьмидесятых... Ну, отец сначала-то в тюрьме жил, в руднике работал. Потом уже на вольное поселение вышел. Мать всё это время тоже в бараке при тюрьме жила, это она всё мне потом и рассказывала. Портнихой подрабатывала — перешивала лохмотья арестантские поначалу. А потом в модное ателье Куцмана — и такое было! — устроилась. Портниха-то она хорошая была, так уже для господ, для офицеров и их жён шила. Как отец вышел на вольное, халупу на окраине Александрова купили. Отцу вечное поселение было дано. За что — не знаю. Ну, ясно, что душегуб был батюшка... И они, родители-то мои, Чехова помнили. Нет, брат, он, конечно, не сидел. Он был писатель. Великий писатель! И вот, живя в Москве, будучи уже известным, взял и поехал он на свои, заметь, деньги через всю Россию, через Сибирь на перекладных и до самого Сахалина. А больной уже был, чахоточный... Зачем поехал-то? А чтобы самому увидеть страдания людские. Понимаешь, он не преступников видел, душегубов, воров, а людей. Везде был — в тюрьмах, в забоях, в домах, — всё сам видел, с каждым каторжником поговорил... Вот какой! А ведь что такое Сахалин — край света, холодный, тёмный, всеми ветрами

продуваемый... Там и каторгу устроили, потому что больше там ничего и быть-то не могло. Ну, и ссылали туда самых отчаянных. А и оттуда бежали... А Чехов сам, по своей воле поехал туда. И написал книгу.

— И про тебя написал? — спросил Лёнька.

— Нет, я тогда ещё не родился. А с отцом и матерью говорил. И про таких, как я, детей сахалинских, Чехов написал. Есть там у него эпизод, точно уже не помню: осень, холод, голое кладбище, могила водой залита. Хоронят женщину, закапывают. У мальчонки спрашивают: «Где мать-то, Кирюха?» — «Закопали!» Машет рукой и смеётся. Как про меня...

Тут Миронов помолчал. Лёнька не торопил его, будто увлекшись жеванием калача.

— Ну, вот... — неопределённо сказал Виктор и кашлянул. — Вот... И, представляешь, после той книги Чехова послабления пошли — не сразу, но пошли. Сперва — кнут... Ну, наказание кнутом отменили, бритьё головы — это когда одну половину выбривали, кандалы, к тачкам приковывать запретили. Тем, кто на поселение выходил, стали ссуду давать, помогали хозяйство устроить... Ну, тут многие пользовались, конечно: ссуду-то возьмут, а отдавать не спешат. Школы стали появляться, библиотеки... Вот за всё это Чехову спасибо — он первый внимание общества на каторгу обратил. Я уж в конце девяностых родился — последним у матери, до меня-то ещё трое было, да все младенцами умерли. И мать вскоре умерла, я её почти и не помню. С отцом жили. А отец на её деньгах да своим умом приподнялся — лавку держал. Так что уже не так бедно жили... В девятьсот пятом, когда японцы на Сахалин высадились, батюшка мой ушёл в партизанский отряд. Да, представь себе, были такие. Вместе бывшие каторжники и бывшие надзиратели против японцев встали. Но ненадолго. Силы были уж очень неравные. Отца, говорят, расстреляли они. Пришли — и в Александров. Расстреливали, вешали — японский порядок наводили. Потом по мирному договору за ними только Южный Сахалин остался. Лавочка отцовская перешла его компаньону, меня он на воспитание взял. А в соседнем доме Колька Емельянов жил. Кличка у него тогда была Малина. Не помню уж от чего. Сегод-

ня вот опять свиделись. Тесен же мир... Он меня на год постарше, да и злой — вот всё и обижал. Ну, пока маленькие были — просто убежишь от него, да и всё. А как в реальное училище пошли учиться, там-то куда от него денешься? Просто житья не давал, да и не только мне... Вот как-то раз он меня и прижал в углу возле уборной. Понятно чего — деньги гони. Я туда, сюда — а он мне под дых... Тут Вася Ощепков меня и выручил. Навалил ему Вася. Он нас постарше года на четыре, да ещё высокий, крепкий... Это он ещё никакой борьбой не занимался. Не любил он, когда слабых обижают, — крепко вломил Емельянову. Ну, так и жили. Потом Васю, а он тоже сиротой остался, его дядька отправил в Японию, там русская семинария была. Видно, кто-то знакомый у них там был или просто так сложилось. Уехал он в Токио, там борьбе дзю-до выучился. Меня в тот же год в Хабаровск отправил опекун учиться. Там я с Арсеньевым познакомился. Ну, да это уже другая история... Помню, отошёл наш корабль от Сахалина, обернулся я: скалы, волны, серое небо; подумал, никогда больше сюда не вернусь. С тех пор и не бывал. А теперь хочется иногда... Ну, это по детству тоска, по прошлому. Чехов писал: «Хорошо там, где нас нет. В прошлом нас нет, и поэтому оно прекрасно». А с Василием Сергеевичем мы потом во Владивостоке встретились. Там же и с Емельяновым виделись как-то раз... Да, тесен мир, — повторил Миронов. Допив третью чашку чая, сказал: — Ну, пора ложиться.

— А в этой книге про Сахалин есть? — спросил Лёнька, ткнув пальцем в сборник рассказов Чехова.

— В этой — нет. Тут про Каштанку есть. Почитай, тебе понравится. Про собачку.

— А про Арсеньева расскажешь? — спросил ещё Лёнька.

— Расскажу потом как-нибудь. Это, брат, таковой человек...

— Тоже писатель?

— И писатель, но прежде всего — путешественник.

— А-а... И Ощепков — писатель?

— Василий Сергеевич не писатель. Он мастер дзю-до.

— А ты мастер?

— Ощепков сказал, что мастер. Да спи давай, Лёнька. Слушай-ка, а где часы-то мои? А-а... Лёнька, отдай!

— Да это не я! Что ты, Виктор! Не я котлы твои стибрил. Знаю кто! Петька Копчёный. Он возле тебя тёрся. Завтра пойдём на Хитровку, заберём.

Миронов тут даже засмеялся:

— Вот же ж... И только сейчас хватился! Как так? Вот же ж... Часы-то — Арсеньева подарок.

— Утром пойдём. Я знаю, где Копчёный ночует, стрясём, — стараясь успокоить старшего брата, говорил Лёнька.

— Да чего с него стрясёшь, — досадливо отмахнулся Миронов. — Сам виноват. Фраер и есть фраер.

— А музыку блатную ты с Сахалина знаешь? — Лёнька поинтересовался.

— Ну, а откуда ж... С Сахалина, с каторжного острова. Всё, спим.

Глава 5. Один дома, или Читая Чехова

На следующий день утром делали зарядку. Сначала-то просто руками помахали, ногами. Неинтересно Лёньке. А потом Виктор показал приём.

— Вот смотри... Ты, допустим, подходишь вплотную и нож мне в живот упираешь. — Лёнька изобразил, как он упирает нож в живот Миронову. — А я вот так делаю... И вот так... Повтори.

Лёнька повторяет. Виктор поправляет его ошибки.

— А теперь один, вот перед зеркалом. Ну, неплохо, неплохо...

— Виктор, а ещё покажи.

— Потом. Пока это отрабатывай. Вечером проверю. Да, придётся тебе сегодня дома остаться. Со мной нельзя, и одному по улице ходить тебе не надо.

— Как дома! Ты же Москву не знаешь! Да чего я тут буду один делать?! — возмутился Лёнька.

— Нельзя со мной, — повторил Миронов. — Книжку читай, приём отрабатывай. Я постараюсь быстро.

И тут Лёнька серьёзно на него посмотрел и

сказал:

— А ты не боишься, что я тебя обчищу и смоюсь?

Виктор Африканович Миронов тоже посмотрел на него серьёзно:

— Нет, не боюсь. Я тебе верю.

— Ну, и я тебе верю! Мы же братья...

Они снова напились чаю, а потом Миронов оделся и ушёл, а Лёнька остался в комнате один.

Саквояж Виктора, стоявший у изголовья кровати, давно привлекал его внимание. Ну, он же не будет обворовывать, только посмотрит... После недолгих сомнений Лёнька раскрыл чёрный пузатый кожаный саквояж.

Под сменой белья там был ещё белый матерчатый свёрток и под ним — две книги. Книги поначалу заинтересовали парня. Одна была совсем непонятная с какими-то нарисованными жуками вместо букв, в довольно затёртой картонной обложке, а кроме букв-жуков были ещё мелкие плохо различимые рисунки, на которых люди в странных позах то ли дрались друг с другом, то ли плясали. Вторая книга — совсем новая в серой бумажной обложке: «Руководство самозащиты без оружия по системе джиу-джитсу». Над названием стояло: «Виктор Спиридонов».

На другой стороне обложки карандашом было написано. Лёнька долго разбирался, но прочитать хотелось, и он не отступился, пока не понял всё: «Виктор, найди в Москве своего тёзку Спиридонова и присмотришь к нему. Ощепков».

В книжке тоже были картинки: милиционер проводил различные приёмы на гражданине, по одежде — явно из блатных. Лёнька даже нашёл тот приём, который показал ему Миронов. Глядя то в книжку, то в зеркало, ещё несколько раз сделал приём, представляя перед собой противника. И противником был не кто иной, как бандит по кличке Костыль.

Когда убирал книги обратно в саквояж, обратил внимание и на белый свёрток — это было не бельё — оно лежало отдельно. Это что-то из очень прочной плотной материи. Лёнька вынул перетянутый чёрным поясом из такой же плотной материи свёрток. Развязал пояс и развернул. Оказалось, что это были длинная рубаха

без пуговиц и штаны, похожие на подштанники, но не имевшие завязок внизу — на портóшинах, была только верёвочка-завязка на поясе. В общем, какая-то специальная, как понял Лёнька, одежда. Он постарался свернуть её как раньше, но получилось плохо, и пояс очень плотный затянулся на свёртке слабо. «Ну, авось, не заметит», — махнул рукой, сунул всё в саквояж, застегнул его и поставил у кровати. Взял книгу Чехова и завалился на диван.

Читать он умел. Грамоте учил его старый спившийся журналист по кличке, которую он называл словом «псевдоним», — Ябуква. «Ты мне парнишку грамоте научи, а я тебе всегда поставлю, — помнил Лёнька слова и голос отца. — Научи, вору грамота нужна ещё как». И Ябуква учил. Приняв стакан, он всегда говорил: «Я с дядей Гиляем на дружеской ноге. Я ему Хитровку открыл. Всё дно показал...» Вскоре не стало отца, пропал и Ябуква. Но грамоте худо-бедно Лёнька выучиться успел. Даже и писать по-печатному мог.

Лёнька знал, что в конце книги бывает оглавление, там и надо искать, на какой странице начинается рассказ «Каштанка». Он нашёл по оглавлению номер страницы, стал листать. И зацепился глазом за название — «Ванька». Сходу как-то очень легко прочитал первые слова: «Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать...» Такие это были простые слова, и так сразу увиделся этот мальчишка, немного и помладше его, Лёньки, что сразу захотелось прочитать, узнать о нём всё. Тем более что и рассказик-то небольшой, всего две странички.

А когда дочитал до слов «нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался», слёзы так и брызнули из глаз. «И у меня... и у меня ни отца, ни матери... У тебя-то хоть дедушка есть, Константин Макарыч, а у меня?.. Вот появился брат... Виктор... А какой он мне брат-то?.. Один я, один...» Успокоившись, стал читать дальше. С удивлением увидел, что есть в этом рассказе и про собачку по кличке Каштанка. А дальше опять горькое, обидное: «А вчера мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребяёнка в люльке и

по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селёдку, а я начал с хвоста, а она взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабаки за водкой и велют красть у хозяев огурцы, а хозяин бьёт чем попадя...» Вспомнилось тут Лёньке, сколько таких выволочек получал он в своей сиротской жизни: от тётки, даже имя которой он не помнил, что заставляла его ходить «с ручкой» и била, если подавали мало; от старших парней, что отправляли его в лавку за водкой и тоже велели красть; от Костыля и прочих подобных ему, обиравших беспризорников.

Когда дочитал, сначала улыбнулся, порадовался вместе с Ванькой, что вот получит его дедушка письмо, приедет в город, заберёт внука. И лишь потом понял: Ванька же не написал, как деревня-то называется. Вот же дурачок: думает, одна только его деревня на свете... И опять запечалился Лёнька о своей жизни. И вспомнил вдруг название деревни под Вологодой, из которой был родом его отец, — Ярыгино. «Фамилья наша — Власовы», — будто услышал голос отца.

Лёнька нацедил себе остывшего кипятку из самовара, отломил кусок калача и стал нажёвывать. И уже думал, что, вообще-то, очень даже и неплохо пристроился. Никогда у него не было такой одежды, как сейчас, такой квартиры. Вечно рядом, вокруг него шумели, пили водку, ругались, дрались. Вечная грязь, вонь. А здесь — тишина, только прошелестели чьи-то шаги за дверью, диван, книжка...

Он нашёл и рассказ «Каштанка» — этот был большой. На картинке — собачка, похожая на лисицу, стояла на задних лапах перед человеком в богатой шубе, и ещё гусь там был. Лёнька стал читать. Он понимал не все слова, но было так интересно, что он и не думал об этом, он будто слился с этой собачкой — смесью таксы и дворняжки, будто это он толкался в ноги прохожих на грязном тротуаре, пытаясь найти хозяина. Ох, как страшно остаться одному, потеряться! И Лёнька вдруг подумал: а что, если Виктор не вернётся сюда? Вот куда он ушёл? Ведь и Москву совсем не знает. И лезет в самые бандитские притоны... Что, если он не вернётся? Уже завтра хозяйка выставит его на

улицу — и куда он пойдёт? На Хитровку — нельзя. Да и нигде его не ждут — вот она, жизнь беспризорная...

Читал дальше про то, как попала Каштанка к удивительному человеку — цирковому артисту. Опять как Лёнька — к Виктору! Как сама стала артисткой. Виктор говорил, что он выступал в цирке. А что, если попросить устроить его, Лёньку, в цирк? Клоуном или гимнастом... Однажды Лёньке повезло побывать в цирке, пока усатый дядька не вытащил его за ухо из-под сидений и не выкинул на улицу. Всё же он успел прикоснуться к тому чуду, к сказке. И тут ещё будто озарило его: так Виктор же в цирк сегодня пошёл! На работу устраиваться. Придёт, покажет там директору всё, что умеет, и его, конечно, примут. А потом он и Лёньку туда приведёт... А сегодня с Лёнькой, конечно, нельзя. Сначала самому надо устроиться.

И, успокоившись, мальчишка продолжил чтение.

К середине рассказа Лёнька уже точно хотел быть дрессировщиком. А в конце он снова будто сам стал Каштанкой и метался между дрессировщиком и старыми хозяевами — столяром и его сыном Федюшкой. Столяр Каштанку плохо кормил, но не потому, что жалел еды, а потому, что и сам не больно-то богато ел, его сын, бывало, и мучил Каштанку, но не со зла, а по глупости. Но они любили её. И дрессировщик, который хорошо кормил и выступал с Каштанкой в цирке, тоже любил... К кому пойти, у кого остаться?... Вот же напридумывал этот Чехов! Да нет, разве так придумаешь? Он, видно, сам там жил, может, рядом с тем столяром... А может, он и есть тот дрессировщик? Ну, конечно, иначе откуда бы ему всё это знать?... А ещё на Сахалин ездил... И когда он всё успел — и в цирке работать, и на Сахалин, и книжку написать?

Лёнька уже рассматривал портрет Чехова. Пенсне, нос, глаза грустные, улыбка мягкая... Добрый человек... И, похоже, сильно больной. Надо будет и про Сахалин почитать.

Так думал Лёнька Чинарь, лёжа на диване в тихой комнате тихого московского дома. Но жизнь напоминала о себе звуками улицы: цоканьем копыт, голосами, обрывками музыки. И ему тоже хотелось жить и что-то делать — много, как Чехов, как его непонятный брат

Виктор и его друг Ощепков.

Лёнька вскочил с дивана и стал перед зеркалом отрабатывать приёмы и удары, представляя перед собой то Костыля, то жоака хитровских беспризорников Мишку Копчёного. Он твёрдо решил, что, пока Виктора нет, сходит на Хитровку и отнимет у Копчёного часы Виктора. Уже оделся, хотел выйти из комнаты в коридор, но тут дверь распахнулась и вошёл сам Виктор.

— А вот и я. Видишь, быстро обернулся. Ну что, пойдём, брат, пообедаем.

Он и не заметил, что Лёнька уже собрался уходить. Задвинул ногой под кровать свой саквояж. Осмотрел зачем-то комнату.

— Прикрой-ка форточку, — велел Лёньке. — Ну, пошли.

Виктор запер дверь в их комнату на ключ. Они прошли по тёмному коридору мимо хозяйской комнаты, в которой было так тихо, будто никто в ней не живёт, мимо кухни, спустились по щербатым ступеням лестницы во двор и свернули на улицу...

Глава 6. «Отговорила роща золотая...»

Они пошли в сторону от Хитровского рынка. Лёнька, только что собиравшийся на Хитровку один, сейчас был рад, что они идут не туда.

— Я тут посмотрел один ресторанчик... Слушай-ка, завтра организуй мне экскурсию хотя бы по центру нашей столицы... А? — попросил Миронов.

Лёнька замешкался с ответом.

— Да ты, видно, кроме Хитровки своей, и не знаешь ничего толком, — усмехнулся Виктор.

Лёнька обиделся:

— Чего это? Всё знаю. Только... это...

— Ладно, — спохватился Миронов. — Понимаю. Знать и показать-рассказать — это разные вещи. — Хлопнул «младшего брата» по плечу. — Не обижайся. Найдём экскурсовода.

Они свернули в переулок. Там в доме напротив церкви с высокой колокольней, как бы раздваивающей этот переулок, в первом этаже действительно был ресторан, о чём извещала вывеска. Почему Миронов выбрал именно это место, Лёнька не понял, они по пути прошли мимо нес-

кольких ресторанов, трактиров и кабаков.

В ресторане в это дневное время было ещё малоллюдно: в противоположном от входа углу два хорошо одетых, похожих на нэпманов гражданина беседовали о чём-то. У окна, закинув ногу на ногу, расположилась ярко накрашенная девица, которая сразу скользнула взглядом по вошедшим и снова поскущнула лицом. Стоял за стойкой тоже скучающий человек с рыхлым лицом, и за его спиной, на полках, тоже будто бы скучающие бутылки с яркими наклейками. Бежал через зал к нэпманам официант — скорее, правильно было бы сказать «половой» — с парой пива и селёдкой.

Миронов вёл себя в ресторане уверенно, как будто бывал в таких заведениях каждый день. Впрочем, ресторанчик был не из первостатейных, что-то среднее между трактиром, пивной и хорошей столовой. Виктор прошёл через зал и сел за столик так, чтобы видеть в окно улицу, оставаясь при этом незамеченным, и вход в зал. Лёнька, конечно, не думая о том, почему они садятся именно за этот столик, сел напротив.

— Любезный, — махнул рукой Виктор.

Тут же подбежал и встал у их стола, подобострастно выгнув спину, официант-половой:

— Чего изволите?

— Меню для начала. Хотя что можешь предложить сам?

— Селяночка мясная — фирменное блюдо, осетринка с хреном, пирожки жареные с курятинкой...

— Пока достаточно, — прервал Миронов. — Вот это всё, обоим...

— Пить что будете?

— Чай.

Официант на мгновение задумался, удивлённо приподняв бровь, но тут же кивнул и ещё спросил:

— А из горячительных напитков?

— Чай, — повторил Виктор. И добавил: — И пирожное для молодого человека, — кивнул на Лёньку.

Официант пожал плечами и, пританцовывая, пошёл-побежал выполнять заказ.

— Любишь, Лёнька, пирожные? — спросил Миронов.

— Пирог люблю.

— Нет, пирожные. А-а, ты не знаешь...

Лёнька не дал договорить, зло почти выкрикнул:

— Знаю я твои пирожные! Думаешь, только ты всё знаешь?! Плевал я на пирожные! Ты бы лучше мне пива взял! — и даже сделал вид — было заметно: только вид! — что хочет встать и уйти. Мужчина за стойкой встрепенулся, услышав громкую речь, уставился в их сторону и насторожил ухо.

— Ну-ну-ну, братишка. — Виктор, тоже делая вид, что поверил Лёньке, вскочил, положил руку на его плечо. — Крутенёк-то ты, братец, чуть не по тебе — и уж шумишь. Того гляди — стулья ломать начнёшь. А пиво я не пью и тебе не дам. Мы с тобой, Лёнька, спортсмены, нам не рекомендуется...

— Какие ещё спортсмены! Я знаю, что ты циркач. И знаю, что ты сегодня в цирк ходил на работу устраиваться. — Он взглянул на севшего снова напротив Миронова с хитрецей: мол, всё про тебя знаю.

Виктор в ответ увернулся, ответил:

— Да уж такой цирк, что «циркее» и некуда, — опять оставив Лёньку в недоумении.

А официант уже нёс дымящие ароматом глубокие тарелки с селянкой.

И на полчасы Лёньке стало не до разговоров.

Виктор ел не спеша, с улыбкой поглядывал на Лёньку, вылизывающего ложку и подбирающего остатки селянки в тарелке хлебной коркой.

Потом он потянулся достать часы, но досадливо махнул рукой, взглянул на стоявшие у стены большие часы с маятником. Лёнька в это время доедал жареную картошку с осетриной. Он уже посоловел от обилия вкусной еды, но остановиться не мог.

— Слушай, Лёнька, вот о чём я тебя попрошу, — небрежно сказал Виктор, — ты отдохни-ка от еды и, пока нам чай и пирожные готовят, сходи в киоск за газетами.

Лёнька отодвинул пустую тарелку, шумно выдохнул и сказал:

— Ну, давай...

Миронов вытащил из кармана мелочь:

— «Гудок», «Известия», «Правда», «Советский спорт». Запомнишь?

— Запомню, — тяжело поднимаясь и принимая деньги, сказал Лёнька. И добавил недо-

вольно: — Шли мимо киоска — не мог купить?

— Прости, брат, забыл. Ты не спеши...

Лёнька вышел из ресторана. День начинал клониться к вечеру. По тротуару мело позёмкой тополиный пух. И Лёнька шёл, зарываясь в пух, как в снег, чуть великоватыми новенькими ботинками. Он обошёл двором асфальтовые котлы — место обитания беспризорников, не хотелось сейчас встречаться с уличной босотой.

У киоска пришлось переждать небольшую очередь. Обратно с газетами в руке Лёнька уже поторапливался вприпрыжку.

Виктора в окно было не видно, а вот того человека, что сидел сейчас на его, Лёнькином, месте мальчишка разглядел очень даже хорошо: худощавое тёмное лицо, длинный нос, глаза острые, сам в костюме с галстуком. Он что-то сказал Виктору, передал ему свёрток. Они пожали друг другу руки. Незнакомец поднялся и оказался высоким человеком. Виктор, не вставая, протянул ему руку.

На входе они столкнулись. Незнакомец моментально цепко взглянул на Лёньку, будто крючками зацепил, и вышел мимо него в переулок.

— Это кто? — спросил Лёнька, подавая газеты и садясь на своё место.

— Так, знакомый... Передал кое-что, — ответил Миронов, убирая со стола свёрток. И тут же крикнул официанту: — Любезный, чай и пирожные!

Вскоре на их столике стоял большой чайник с кипятком и маленький — с заваркой, две чайные пары и две тарелки с шоколадными пирожными.

Виктор разлил чай, подвинул пирожные к Лёньке:

— Давай наворачивай! — а сам развернул газету «Советский спорт» и углубился в чтение.

Лёньку уговаривать не пришлось. Он быстро слопал половину пирожного, и тут ему от сладости и «вкусности» стало не по себе.

— Ты запивай, да не спеши, — взглянув на него, сказал Миронов.

Тем временем зал ресторана понемногу заполнялся людьми, табачным дымом, голосами. Народ собирался разный, но денежный: явно фартовые ребята в блестящих, собранных в гармошку сапогах, нэпманы, советские служащие.

Красивые яркие женщины... Странно было Виктору, не москвичу, только что проехавшему через всю ещё не залечившую раны Гражданской войны Россию, видеть столько богатых, уверенных в себе людей, желающих спускать деньги и не скрывающих этого, будто вернулось время до осени семнадцатого года.

Миронов хотел уже уходить, да и официант посматривал на них недовольно: места нужны были для более выгодных клиентов, готовых швырять деньги.

Но тут ввалилась весёлая компания: впереди — невысокий крепкий светловолосый парень в хорошем костюме, при галстукe, с ним ещё человек пять-шесть таких же весёлых и уверенных в себе молодых людей.

По залу прошёл гул. Кто-то крикнул: «Серёга!» — и махнул рукой.

Сразу несколько официантов с полотенцами, перекинутыми через руку, подбежали к вошедшим:

— Сергей Александрович!..

— Милости просим!..

— Давно не бывали!..

А Сергей Александрович засмеялся, махнул рукой:

— Эх вы, души кабацкие!.. Врёте всё! А всё равно я вас люблю! Давай-ка нам для рывка по сто пятьдесят с прицепом! Пошли, ребята, — махнул своей компании.

И они тут же сели за поставленный специально для них стол посреди зала. И уже несли им водку и пиво — «прицеп», и ещё что-то...

На невысокую сцену вышли артисты: в атласной синей косоворотке гармонист с саратовской гармошкой, в белом пышном платье певица с тощим лицом, будто специально выбеленным, и синими подглазниками, модной стрижкой каре, красивая...

Затянули бесконечные «Кирпичики»:

— *На окраине где-то города
Я в рабочей семье родилась...*

Виктор не сводил взгляд со стола в центре зала. Заметив беспокойство официанта, он позвал его, сунул денежную бумажку, тот низко поклонился и успокоился.

Лёнька в это время всё пытался осилить вто-

рое пирожное.

И тут русоволосый парень встал из-за стола, подошёл к гармонисту и забрал у него гармошку. Тот и не возражал. Певица тоже сразу замолчала. Да они будто и сами только ждали, когда он подойдёт.

Тут же раздались крики:

— Серёга, давай!

— Есенин!

— Жарь, Есенин!

Лёнька только сейчас понял, кто этот человек.

— Это Есенин?

— Да, твой брат, которого в кабаке зарезали, — ответил Виктор. И вдруг тоже крикнул: — Сергей Александрович, давай!.. — Так это было не похоже на всегда сдержанного Миронова.

И Лёнька крикнул:

— Есенин!

А Есенин улыбнулся какой-то извиняющейся улыбкой, вскинул голову и выдал:

— *Я сидела на песке
У моста высоко-ко-ва-а.
Нету лучшие из стихов
Александра Блокова.*

И без остановки:

— *Шёл с Орехова туман,
Теперь идёт из Зуева.
Я люблю стихи в лантях
Миколая Клюева.*

— *Ах, сыть, ах, жарь,
Маяковский — бездарь!*

— Эй ты, давай-ка Маяковского не трогай! — крикнул кто-то из угла, но сразу смолк.

Но смолк и Есенин, остановился, кинул гармошку музыканту, она при этом жалобно по-человечьи взвизгнула. Обвёл взглядом зал. Сразу стало видно, как сильно он уже пьян. Но стоял при этом твёрдо и голосом крикнул звонким:

— Тихо! Русский поэт стихи читать будет!

И зал действительно сразу смолк. И в этой тишине, в этом остановившемся пространстве вдруг увидели все, как ползёт к нему на коленях та самая певичка, обнимает его ноги. А он вдруг

сел прямо на пол рядом с ней и стал читать будто для неё «Сыпь гармоника. Скука... Скука...»

Самые страшные слова он произносил с какой-то ужасающей нежностью.

Всё же кто-то крикнул:

— Ты, скотина, как с женщиной разговариваешь!

— Если я скотина, то ты просто жирная свинья! — поднявшись, сказал Есенин и взмахом руки остановил своих дружков, уже было сорвавшихся из-за стола.

И будто не стихотворение стал читать, а просто говорить. Не сразу и не все поняли, что это стихи:

*— Я себя обманывать не стану,
Затаилась омут в сердце мгlistом:
От чего прослыл я шарлатаном,
От чего прослыл я скандалистом?
Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по темницам...*

— Вот это другое дело! — опять из угла теперь довольный голос послышался.

Тем временем женщину из-под ног Есенина поднял и увёл из зала гармонист. Есенин не дочитал стих, болезненно поморщился и сразу улыбнулся.

— Другое дело? — переспросил, сплюнул под ноги. И начал:

*— Снова пьют здесь, дерутся и плачут
Под гармоники жёлтую грусть.
Проклинают свои неудачи,
Вспоминают московскую Русь.*

*И я сам, опустясь головою,
Заливаю глаза вином,
Чтоб не видеть в лицо роковое,
Чтоб подумать хоть миг об ином.*

*Что-то всеми навек утрачено.
Май мой синий! Июнь голубой!
Не с того ль так чахнет мертвячиной
Над пропащею этой гульбой.*

*Ах, сегодня так весело россам,
Самогонного спирта — река.
Гармонист с провалившимся носом*

Им про Волгу поёт и про Че-Ка.

*Что-то злое во взорах безумных,
Непокорное в громких речах.
Жалко им тех дурашливых юных,
Что сгубили свою жизнь сгорая.*

*Где ж вы те, что ушли далече?
Ярко ль светят вам наши лучи?
Гармонист спиртом сифилис лечит,
Что в киргизских стенах получил.*

*Нет! таких не подмять, не рассеять.
Бесшабашность им гнилью дана.
Ты, Рассея моя... Рас... сея...
Азиатская сторона!*

— Сам ты мертвечина! — после оглушительной беззвучной паузы крикнул нэпман.

— Азиатская сторона... Европейец выискался! Хамло пьяное!

Кто-то подскочил и за рукав потащил Есенина из зала, он отмахнулся кулаком. Друзья его уже били нэпманов, но тем на подмогу кинулись другие. Кто-то сбил с ног Есенина, он поднялся и ответил ударом, полетел стул, завизжали девицы. Фартовые под шумок уже кого-то грабили...

— Виктор, они же Есенина бьют! — крикнул Лёнька, вскочил.

Миронов поймал его за плечо:

— Сиди! — сам встал и пошёл туда, где Есенин и ещё один его друг спина к спине отбивались от наседавших.

И там, где шёл Миронов, будто сами по себе отскакивали, падали, садились на пол люди. Лёнька, конечно, не остался сидеть, а шёл за Мироновым и, когда один из упавших поднялся и кинулся было сзади на Виктора, даже провёл тот приём, что отрабатывал утром у зеркала, и увидел, как ошеломлённый толстый краснорожий мужик сел на пол, выпучив от боли глаза.

Миронов пробился к Есенину и его другу, когда их сбили с ног, а остальных их приятелей оттеснили к выходу. Виктор броском через бедро без страховки отшвырнул в угол высоченного лошёного человека, норовившего пнуть поэта в лицо. Подхватил под мышки Есенина:

— Пойдёмте, Сергей Александрович...

— Без Алёшки не пойду! — оттолкнул его руку Есенин. Но увидел, что Алёшке, невысокому коренастому парню с глазами чуть навыкат, причёсанному на прямой пробор, помогает встать Лёнька, махнул рукой. — Ну, пошли, пошли...

В зале тем временем как-то стихло. Все расползались и расходились по углам. Только сейчас многие осознали, что их каким-то неведомым образом уложил этот человек, помогающий Есенину.

Ещё четверо друзей, весьма потрепанных, ждали их на улице.

— Бросили!.. — крикнул Есенин. — Бросили нас с Алёшкой.

— Да ты чего, Сергун! Мы ж дрались! Мы вышли, когда уже всё кончилось...

— Ко-о-ончилось! Не дождётесь! Поймайте пролётку.

И тут Миронов как-то совсем по-детски попросил:

— Сергей Александрович, вы бы не могли?.. Можно мне... напишите что-нибудь...

— А ты кто такой?

— Я стихи ваши люблю...

— И я, — добавил вдруг Лёнька.

— Да чего я напишу! Ни бумаги, ни пера! На-те вот, — он достал из внутреннего кармана сложенный вчетверо листок. — Утром написал...

Подъехали две пролётки. Компания уселась.

Сергей Александрович Есенин вдруг обнял сперва Миронова, потом — Лёньку. Выдохнул:

— Прощайте, братцы. Спасибо, не поминайте лихом.

Миронов и Лёнька остались одни на тротуаре перед входом в ресторан.

Вдруг Виктор прямо подпрыгнул, рванул внутрь, там — к столику, за которым сидел.

Какой-то человек, не официант, уже стоял рядом, но оглянулся, увидел Миронова и сразу будто растворился, шагнул в тёмный угол, в дверь рядом с барной стойкой.

Виктор не обратил на него внимания, схватил свёрток, лежавший на стуле, взял и газеты.

Когда он вышел, Лёнька стоял всё на том же месте и пытался прочитать написанное на листке, который подал им Есенин.

— Ну-ка, чего там? — взял листок уже успоко-

ившийся Миронов. Прочитал:

*Отговорила роща золотая
Берёзовым весёлым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком...*

В светлых летних сумерках возвращались Виктор и Лёнька на свою квартиру. И несмотря на недавнюю драку, настроение у обоих было светлое, умиротворённое.

— Даже не верится, что видел его... что он ходит по этим же улицам... Такой поэт! — говорил Миронов.

— Я вообще думал, что поэтов живых не бывает, все мёртвые, как Пушкин, — добавил: — или Чехов, — и тут же спросил: — А Чехов стихи писал?

— Нет, Чехов стихи не писал. Но он, конечно, тоже поэт... И настоящие поэты всегда живы — вот как Есенин или Арсеньев.

— А Арсеньев стихи писал?

— Нет, тоже не писал. Он написал книги. Одну мне подарил, да я её оставил Ощепкову...

— А что, и Ощепков — поэт? — уже насмешливо спросил Лёнька.

— Нет. Ощепков — мастер.

— А зачем ты ему книгу отдал, если её тебе сам Арсеньев подарил?

— Это, Лёнька, потом как-нибудь расскажу.

— И часы арсеньевские увели у тебя.

— Да, часы жалко... Ну, сам виноват.

Они шли, разговаривали и не замечали двигавшегося за ними в тени домов и деревьев человека.

Человек тот прошёл с ними до дома, остановился на углу за афишной тумбой, дождался, пока они войдут в подворотню.

Загорелся в одной из комнат второго этажа неяркий свет. Потом свет погас, и уже следивший за Виктором и Лёнькой человек не видел, как из тёмного окна сквозь щель в занавесках смотрел на него Миронов, всё-таки почувствовавший опасность...

Глава 7

1. Мы идём по Уссурийскому краю

Когда я подрос, было мне уже лет двенадцать, из Александрова, то есть с Сахалина, дядька мой отправил меня в Хабаровск, посчитав, что там уж точно не будет мне хуже, чем на каторжном острове, хотя каторгу к тому времени закрыли. Был у него в уссурийском казачьем дивизионе то ли кум, то ли свояк — казак Омельченко. Вот к нему.

Ну, мне, конечно, всё интересно было: новые места, новый город, новые люди. Служивые. Стал я при казаках вроде как «сын полка», казачонок, в общем... Омельченко меня в школу-то пристроил: была там такая для детей нижних чинов и инородцев — гольдов. Да больно-то не следил он, как я учусь, а уж жене его при своих пятерых до меня и вовсе дела не было. Накормит — и на том спасибо. Хотя я и кормился больше при казаках... Так уже года два там крутился.

И вот все заговорили, что какая-то экспедиция собирается. Набирают людей. И Омельченко тоже попросился в этот отряд. А я за ним стал: очень хотелось в «экспедицию», хотя не понимал, что это такое — слово нравилось.

Ну, Аверьян Семёнович, Омельченко то есть, только скажет: «Куда ещё тебя-то!..» И всё. Так я рядом и крутился. А они уже собирались. Лошадей отбирали, готовили припасы, упаковывали... Вот я тогда и увидел у нас в части штабс-капитана Арсеньева. Капитан-то он капитан, а с ним и атаман, и генерал разговаривали как с равным. Видно сразу было, что человек и учёный, и бывалый, и справедливый... И всё сам проверял.

Вот тут мне раз удалось себя показать.

— Как думаешь, Омельченко, муку повезём каким образом? — спросил Арсеньев моего опекуна.

— Навьючим мешки на лошадок да повезём, известно, — отвечал Аверьян Семёнович.

— Это так. А намокают они, мука плесневеет, да и мешки сбиваются, поправлять часто приходится, рвутся...

— Ну, тут уж что... От дождя брезентом прикроем.

Арсеньев кивнул, согласившись. Хотел уж

далее идти — он как раз лошадей осматривал.

Тут я и выскочи:

— А у нас не так возили...

— А как? — сразу Арсеньев заинтересовался. — И где это — у вас?

— На Сахалине. Отец с дядькой вольноотпущенные были, лавку держали. Бывало, на рудник отправляли муку караваном через тайгу, по тропе. В два раза ближе было, чем по дороге. Так каждый мешок перед тем заранее окунали в чистую воду. Верхняя часть муки в мешке и мешковина ссыхались так, что никакой дождь уже не страшен. И мешки не рвались, если за сучья цеплялись...

— Ты-то откуда знаешь?

— Так я с тем караваном ходил. Вёрст сорок туда и столько же обратно... А возьмите меня в экспедицию, я пригожусь!

— Чей это? — спросил Арсеньев.

— Мой, ваше благородие. Кум, дядька его, с Сахалина прислал. Воспитываю...

А Арсеньев уже меня спрашивает:

— Плавать умеешь? На коне хорошо держишься? Стрелять приходилось?

Ну, я всё это умел. И попал в экспедицию. А с мукой, с мешками сделали, как я и сказал, — всем понравилось.

... Была уже ночь, а Виктор и Лёнька всё не спали. Сначала долго обсуждали встречу с Есениным. Потом Лёнька попросил рассказать про Арсеньева. И Виктор рассказывал. Время от времени он вставал с кровати, на которой лежал поверх покрывала в брюках и рубашке, подходил к окну, выглядывал в щель между штор.

— Чего ты там всё смотришь? — спросил наконец Лёнька.

— Да так... Сейчас уже никого не увижу, конечно. Но думаю, что за нами присматривают и вскоре надо ждать гостей.

Лёнька по-своему понял его слова:

— Так надо тогда дверь покрепче запереть, нож ещё можно взять на кухне. Пусть только сунутся...

— Да нет, Лёнька. Этот гость придёт, когда мы уйдём.

Лёнька всё же поднялся с дивана, подошёл к окну. Выглянул:

— Никого там... Ну, а дальше чего было?

И Миронов стал снова вспоминать и рассказывать свои давние приключения...

— Для меня тогда всё впервые было! Железная дорога... Мы сначала в поезде ехали, в отдельном вагоне люди — человек двадцать нас было, в отдельном ещё — лошади... За окном — степь, тайга, горы — Сихотэ-Алинь называются... Разговоры. Господа наши — Арсеньев и ещё двое (один, говорили, генерал, но в штатском) — с нами в вагоне ехали, не чурались. Ну, у них, конечно, свои разговоры... Потом пошли вдоль реки Улахе. Через тайгу, то на гору, то в распадок, через болота, ручьи... Владимир Клавдиевич — это Арсеньев — всё измеряет, записывает, на карте отмечает. Ну, а я рядом с ним, вроде как ординарец, — аппарат фотографический к моему седлу приторочен. Скоро я и снимать сам научился... Красоты, конечно, необычайные там, но это сейчас вспоминаются, а тогда — работа: то помогаешь казакам завал разбирать на дороге, то выюки с лошадей снимаешь... Никакой поблажки на малолетство не было. И гнус — самое страшное и противное. Это не комары, а мелкая такая мошка.

Ещё был один интересный случай. Запомнился.

Во время стоянки казаки неподалёку нашли старое высохшее дерево с ульем диких пчёл в нём. Решили полакомиться мёдом. Взяли пилу, топор, ведро — пошли туда человек пять, ну и я, конечно, с ними. Пришли, а там сначала и понять невозможно: по земле, широко вокруг высохшего ствола будто живой чёрный ковёр шевелится. Внутри этого ковра, тоже по земле, вокруг ствола, — другой ковёр или какая-то бурлящая масса, гудящая, кипящая, а над ней ещё в воздухе гудящее облако.

Это, как оказалось, большие черные муравьи окружили улей, а пчёлы его защищают. Если ближе, видно, как выбегают отдельные муравьи, набрасываются на пчёл, те отбиваются. И сверху пчела прямо в муравья бьёт, а он переворачивается на спину — видны его лапы, похожие на клещи, и страшная морда с кривыми зубами, — отбивается от пчелы. Масса муравьёв молчаливо ползёт на массу пчёл, страшно глядеть... Уж не знаю, что было нужно муравьям, — мёд они, что ли, едят? Или сухой ствол им под муравей-

ник понадобился...

Казаки тем временем развели поблизости костёр, набрали ведро воды в ручье и поставили на огонь, а когда вода закипела, черпачком, сделанным тут же из берёсты, стали кипятком на муравьёв лить. Тоже страшно — корчатся, уползают. И случайно плеснули на пчёл. Ну, тут началось! Весь рой собрался в тучу и кинулся на нас. В волосы, под одежду набивались пчёлы и жалили. Все мы в ручей залезли, а над нами пчелиная туча. Высунешь голову, хватанёшь воздуха — и опять под воду... Долго мы так сидели. Потом другие казаки нам помогли — дымные костры развели, поотогнали.

Морды у всех покусанных как подушки стали, всё болит, чешется... Но поутру опять собрались посмотреть улей и попробовать взять мёд. Пришли, а там ствол тот сухой повален, растоптан, ульи раскурочены, земля изрыта. И пчёл уже никаких, ну и мёда, конечно. Медведь полакомился. Тоже задуматься можно: одни воюют между собой — муравьи с пчёлами, пчёлы с людьми, а потом приходит более сильный и забирает всё. И ради чего воевали?..

Много всяких случаев было...

Но больше всего любил я, когда вдвоём с Арсеньевым вперёд отряда уходили. Обычно Владимир Клавдиевич выезжал на какую-то возвышенность, гору, чтобы далеко было видно. Ветром обдувает, и перед тобой зелёная долина реки, синие горы, отроги, распадки, тайга без края... Но он не любовался, а маршрут дальнейший намечал. Я ему раз решился подсказать, мол, вон там хорошая тропа есть через горный кряж, намного путь сократит. Он головой покачал, наметил на карте в планшете совсем другой маршрут, а мне сказал:

— Там, где пройдут лошади, пройдёт и человек, но не всегда конь пройдёт там, где прошли люди, Виктор. Мы должны соизмеряться не только со своими возможностями. Так не только в экспедиции, а и вообще — в жизни.

Вот на всю жизнь тоже запомнил...

2. Гольд Дерсу

Часто в разговорах и сам Арсеньев, и казаки (а там были несколько человек, которые не первый раз с ним ходили) упоминали гольда по

имени Дерсу Узала.

Не раз Владимир Клавдиевич, вздыхая, говорил: «Эх, был бы с нами Дерсу...»

И вот как-то встали мы на ночёвку. Палатки разбили, костёр развели. Все спать пошли. Тишина. Звёзды... Только Арсеньев что-то писал в своей палатке. Да мы с Омельченко у огня сидели — он дневалил первую смену, и я с ним.

Птица какая-то вскрикнула, Омельченко насторожился, винтовку взял, в темь таёжную смотрит. А что там увидишь?... Вот ещё шорох, будто камушек покатылся с горки.

— Не амба ли бродит? Может, коней учуял? — сказал тихо казак и поднялся.

И тут голос раздался:

— Моя хороший люди! Вижу хороший люди, дай, думаю, подойду. Понимай — не амба ходи, моя люди ходи...

И тут из своей палатки прямо выскочил Арсеньев:

— Дерсу!

А из-за деревьев вышагнул невысокий человек — узкоглазый, в куртке и штанах из шкур, платок на голове узлом назад завязан, ноги чуть кривые, ружьишко на плече.

— Здравствуй, капитан! — (Местные — гольды, китайцы — всех офицеров почему-то зовут капитанами). — Моя сильно рад тебя найти!

И они обнялись.

Вот так я увидел этого замечательного человека.

— Чего-то у тебя все замечательные: и Арсеньев, и Ошепков, и Есенин, и этот Дерсу... — сквозь сон уже проговорил Лёнька, укладывавшись, не раздеваясь, на диване.

— А так и есть — много замечательных людей посчастливилось встретить. И вообще, Лёнька, как ни удивительно, а хороших людей в мире больше, чем плохих.

— Ага, посмотрелся я на хороших: щипачей да громил, марух да проституток...

Лёнька уснул, задремал и Миронов.

Проснулись одновременно и рано.

Миронов сразу к окну подошёл. Глянул сквозь щель.

— Ну? — спросил Лёнька.

— Не видать. Да пока мы здесь, он и не сунется. А мы и не будем торопиться. Вставай-ка на зарядку.

И они делали зарядку, умывались, вскипятили самовар и сели пить чай. С улицы слышалось шарканье метлы, лошадиное цоканье первых пролёток.

— Ну, расскажи ещё про Дерсу, про экспедицию, — попросил Лёнька.

И Виктор стал снова рассказывать.

— Дерсу человек был удивительный, не дикий, очень умный. Но со своей верой — всё у него было «люди». Звери — люди, река — люди, тайга — люди... А тайгу и вообще природу он читал, как мы с тобой книгу. Следопыты у нас и из казаков были: посмотрят — скажут, какой зверь прошёл, некоторые ещё скажут и когда прошёл. Дерсу Узала скажет, самка или самец, когда, куда и почему шёл. И всё ведь объяснит. Уж не говоря, что если скажет в дождливое утро, что скоро распогодится, можно не сомневаться и сниматься со стоянки. И наоборот — вроде тихое утро, а Дерсу на небо посмотрит и говорит: «Ходи не надо. Скоро буря прилети, сильный дождь приди — плохой люди. Будем здесь стоять, ждать, когда уйдут». И не бывало такого, чтобы ошибся. Как скажет — так и будет.

Ну, и идти стало с ним гораздо легче. Арсеньев хоть и правильно прокладывал пути, по которым шли люди и лошади, у Дерсу без всяких приборов это получалось лучше.

Однажды показал мне след: «Амба ходи. Главный в тайге люди. Амба стреляй нельзя. Убивай нельзя. Амба вернётся и тебя всегда убивай».

А сам этот закон и нарушил. Но нарушил-то, спасая нас.

Ночью просыпаемся от выстрела, из палаток выскочили. Видим: у костра Дерсу сидит, голову обхватил, раскачивается, рядом ружьё на земле валяется.

— Что случилось, Дерсу?

— Моя амба стреляй... Я говорил ему: уходи, амба. Здесь хороший люди. Не ешь их конь... А он не послушал. А как вы без конь? Сегодня амба конь съел, завтра опять пришёл — совсем без конь быть, вы в тайга погибай. Моя стреляй...

— Да, может, ты и не попал. Не видно же ничего.

— Моя попадай. Амба умирай. За мной приходи...

Утром пошли по следу — по пятнам крови — и

скоро действительно нашли мёртвого тигра. Огромный! «Отличный экземпляр!» — Арсеньев сказал. А Дерсу не стал и глядеть.

Он с тех пор, правда, какой-то стал пришибленный. Всё ждал, что амба за ним придёт.

Через несколько лет после той экспедиции убили его грабители в тайге. Взял он, говорили, в подарок от Арсеньева новую дорогую винтовку — за неё, скорее всего, и убили. Наверное, он и правда подумал, что это амба в образе «плохой люди» за ним пришёл...

3. Удар амбы и солнечный удар

И была у меня ещё одна совместная экспедиция с Арсеньевым. Последняя.

Задача у нашего отряда тогда стояла наполовину военная, наполовину — научная. Общее командование у Арсеньева. Он, хоть и учёный, а и офицер боевой был. В этом я тоже убедился. Да, почему «был»? Жив, слава богу, Владимир Клавдиевич. Только не знаю, где сейчас — в Хабаровске или во Владивостоке... Ну уж, наверное, не в Харбине...

Так вот в тот раз мы должны были исследовать и картографировать границу с Китаем в районе озера Ханка и нанести удар по распоясавшимся там браконьерам — охотникам на тигров, леопардов, добытчикам пантов и женьшеня, да и просто по бандитам — хунхузам. Вот такие и Дерсу Узала, наверное, убили...

Я уже служил. Подпоручик...

В те дни мы вышли в практически не разведанный район дикой, местами заболоченной тайги. Русские селения остались далеко позади. Но часто попадали настроенные и уже старые полусгнившие ловушки и капканы, которые мы немедленно уничтожали. Но самих браконьеров никак не могли настигнуть. Хотя по некоторым признакам были они рядом, возможно, тайком наблюдали за нами.

В ту ночь я был начальником караула. Со мной — два стрелка. Выставил их на посты, а сам сидел у костерка и, чтобы не уснуть, пил крепкий чай.

Строноженные кони паслись на поляне неподалёку. Там и стоял один из часовых. Второй — на противоположной стороне нашего лагеря из четырёх больших (для солдат) и двух маленьких (одна — для Арсеньева, вторая — для меня и

ещё одного офицера) палаток.

Ночь была очень тёмная, и уже в двух шагах от костра ни зги не видно. Только звёзды в небе яркие и колючие. Когда-то на Сахалине я видел именно такие — колючие, холодные и всё же манящие, загадочные.

Время было: конец лета — начало осени.

Сию смотрю на огонь, на звёзды, прихлёбываю из кружки чай. И тут услышал, что завоновались кони. Может, зверь ходит, а может, и враг. Остаться же в незнакомой тайге без лошадей — перспектива невесёлая. Слушаю. Часовой молчит, не подаёт сигнал. Но опять слышу, как всхрапывают лошади.

Я осторожно поднялся и пошёл в ту сторону. Не стал брать винтовку, но револьвер из кобуры вынул. Шёл, едва различая путь, отводя рукой ветки кустов и деревьев, туда, где стоял часовой. Хотел уж окликнуть его, чтобы он со страху в темноте не выстрелил на звук шагов.

И тут я услышал шаги, мягкие, тихие. Я обернулся. Остановился. И он остановился. Зрение моё вдруг обострилось — я увидел его. Он был напряжён от кончиков усов до хвоста, как кошка, готовящаяся прыгнуть из засады на зазевавшегося воробья. Но я-то уже был воробей стреляный. И уже тренировался у Ощепкова. Хотя против тигра дзюу-до — ничто. Амба прыгнул, я успел увернуться и выстрелил, причём я даже успел подумать, что стрелять должен наверняка, и стрелял в голову, сзади, когда он уже прыгнул, и даже видел, как пуля пробила шерстистый жёлтый череп. Тигр упал, дёрнулся и затих. И только тогда я понял, что амба не промахнулся в своём прыжке, разящий удар когтистой лапы пришёлся на туловище справа. Мне показалось, что там просто дыра. И я уже тоже падал, терял сознание.

— Господин подпоручик! — кричал подбегавший часовой.

Кричали бежавшие от костра люди. И уже вскоре я был в одной из палаток, врач нашего отряда осматривал рану. Она оказалась сама по себе не слишком опасной, но, как выяснилось вскоре, началось заражение.

Отряд из-за меня оставался на месте уже третьи сутки, только отходили в разные стороны и возвращались наши разведчики. К вечеру

третьего дня двое вернувшихся казаков сообщили, что неподалёку нашли жилую фанзу старого китайца.

Меня отвезли туда. Со мной попрощались. Тогда-то Владимир Клавдиевич к тем деньгам и припасам, что оставили старику китайцу за моё у него нахождение, — как предполагаю, и на вполне возможные похороны — прибавил часы. «Тебе, Виктор, обо мне память. Даст Бог — свидимся», — сказал. Ну, а помер бы я — тоже китайцу достались бы. На часах-то Арсеньев ещё заранее, перед походом, гравировку памятную заказал.

Расстались. Китаец долго кланялся, провожая уходивший в тайгу отряд.

В тот вечер сквозь бред слышал я стрельбу. Позже узнал: отряд Арсеньева попал в засаду, но по итогу боя банда была разгромлена, погибли двое наших стрелков, хунхузы ушли вглубь Китая, оставив человек двадцать убитыми.

И кидало меня из жизни в смерть, из света в тьму. Открыл я глаза и увидел ангела в девичьем облике, и подал мне ангел чашу. И была то чаша жизни, а не смерти.

И было утро, когда, открыв глаза, я увидел не ангела, прекрасную девушку — темноокою, с блестящими черными волосами, в синей одежде, с робкой белозубой улыбкой. И случился... солнечный удар.

Я пошёл на поправку. Уже знал, что старика зовут Джен Донг, а его внуку — Даху. Они отпавляли меня настоями женьшеня, пантов и еще какими-то травами и вытяжками из каких-то костей, в происхождение которых я не вникал.

Старик Джен, как я понимаю, и промышлял добычей женьшеня. Как раз был сентябрь — самое время для его заготовки. Утром старик уходил, появлялся то днём, то уже к вечеру. На целые дни мы оставались с Даху вдвоём.

Неяркий осенний свет проникал сквозь оклеенные тонкой бумагой решетчатые окна фанзы. Я ещё был слаб, но уже потихоньку вставал, двигался, выходил на низкое крыльцо, держась за стену. От крыльца вниз бежала тропинка, и там просверкивал сквозь ветви кустов звонкий ручей. Я пил тот чистейший воздух и тот звон. Не мог надышаться, наслушаться. Я понимал, что победил саму смерть. Только оставался на правом боку след когтей

амбы — грозное напоминание.

Даху звала меня на обед. Я ел лепёшки, мясо. Мой китайский в то время был весьма беден, тем более я не разбирал разговорный язык. Даху совсем не говорила и не понимала по-русски. Но мы прекрасно понимали друг друга. Случилось то, что должно было случиться между молодым человеком и девушкой. Мы полюбили друг друга. Старик, конечно, знал и имел на этот случай свой расчёт.

Я стремительно выздоравливал, уже не думал, что придётся мне зимовать в этой фанзе, а надеялся до холодов вернуться во Владивосток. Конечно, Даху собиралась со мной. Она преданно смотрела мне в глаза, целовала и говорила: «Виктор любить Даху. Даху любить Виктор».

Особое моё внимание привлекли находившиеся в фанзе книги. Старик Джен оказался не просто собирателем женьшеня. Он читал, умел лечить, знал множество целебных трав — был по-своему учёным человеком.

В одной из книг я увидел рисунки, на которых люди выполняли приёмы, чем-то похожие на те, что показывал мне Ощепков.

— Что это за книга? Откуда? — спросил я Джена.

— Книга искусства боя клана Утида. В Японии уплывать — там школа дзю-дзюцу делать. Книга оставаться.

Я сразу понял, что такую книгу надо забирать. А как?

— Джен, — говорю, — продай мне книгу.

— Э-э, — закачал головой китаец. — Внука забирай, книга забирай. Что твоя мне давай?

Жалко мне было, да что делать!

— Ну, вот часы возьми, — говорю.

Он часы взял и сразу говорит:

— Мало. Ещё давай!

— Да тебе сколько за меня Арсеньев дал!..

— Капитан за тебя дал, за книги и внука не дал...

Ну, пообещал ещё револьвер ему. Больше-то ничего не было.

Собирались мы с моей Даху дня через два выходить. Собрали припасы. Старик нарисовал мне карту, как выйти на дорогу к русским селеньям. Время хорошее было — гнуса нет, не жарко, сухо, тайга желтеть начала — красота.

А дня за три до того приходили к старику люди — ночью, но я слышал. Понял я, что скуп-

щики женшени.

Вот, видно, они и навели на фанзу хунхузов, сказали, что русский там живёт. А русский, значит, богатый, да и сам старик небедный был.

Я-то сначала не понял. Мало ли какие люди! А Джен сразу на колени упал перед первым, что на лошади во двор въехал, за ним ещё человек десять.

Я догадался, что старик просит всё взять, но не убивать его и не трогать внуку.

Бандиты с коней спрыгнули. Старший старика ногой на землю сбил, второй ещё ударил. Мы с Даху за бумажными окнами присели, она ко мне прижалась. Я револьвер достал. Ей убежать велел, а она — ни в какую. Первого я из револьвера сразу убил, второго, кажется, ранил. А остальные успели залечь или вскочить на лошадей и отъехать. Окружили фанзу и давай из винтовок палить. Куда тут мне с револьверишком... Только их и удерживает, что не знают, сколько людей в фанзе. Но поняли быстро.

Даху схватила меня за руку, в дальнюю комнату потянула, циновку откинула, под ней — люк. Я ещё успел книгу клана Утида схватить, и нырнули мы в подземный ход. Насколько можно быстро побежали — ход-то низкий, узкий. Вышли через дупло огромного старого дуба у ручья, а там в кустах и лодочка с вёслами привязана. Запасливый был старый китаец!

Сели мы быстро в лодку, по крикам наверху слышу, что нашли они подземный ход, скоро тут будут, оттолкнулся, поплыли. Ручей быстрый, сразу далеко ушли, пары гребков хватило бы, чтобы в речку выйти и скрыться за берегом. Выскочили они на берег. Давай стрелять. Даху моя вскрикнула и на дно упала. Я ей говорю: лежи, мол, не двигайся. Гребу. И ни одна пуля в меня не попала. В реку вышел, повернул по течению, еще до излучины доплыл, за поворот выгреб. А милая моя всё лежит... Я — к берегу. На руки её поднял. А она уж не дышит. Прямо в сердечко пуля угодила. А из-под одежды её вдруг что-то выпало, о дно стукнулось. Гляжу, а это часы арсеньевские — видно, прибрала она их у деда.

И поплыл я вниз по реке. До первого русского селения. Староверы там жили. На кладбище не позволили, конечно, Даху похоронить. А рядом с кладбищем под высокой лиственницей

сам я её и закопал, упокоил.

Закопал, да и упал на холм могильный, будто пулей сражённый или солнечным ударом. Опять ко мне болезнь вернулась. Я у тех староверов и остался, выходили — люди суровые, но добрые, божьи люди. По зимнику уж ближе к весне вывезли они меня к железной дороге. И вернулся я во Владивосток.

К Арсеньеву явился. Он меня обнял. Выслушал мой рассказ. И подарил мне свою новую книгу.

Ту книгу я потом Ощепкову передал как пароль для Арсеньева. Я как раз уезжать собрался, а Василию нужны были надёжные люди на китайской стороне, он уже налаживал там агентуру и попросил меня снова свести его с Арсеньевым. Я ему книгу Арсеньева и дал, ещё написал в ней для Владимира Клавдиевича, что за человека ручаюсь и прошу всячески помочь.

— Ну, да это уж я лишнее тебе говорю, брат, — спохватился Миронов.

А Лёнька сидел, раскрыв рот, и только сказал:

— Ну, ты силён романы тискать! — а потом ещё спросил: — Так Ощепков-то твой шпиён, что ли?

— Не шпион, а разведчик. Ладно, Лёнька, пошли-ка прогуляемся...

Глава 8. Удар Утиды

Они вышли из комнаты. Виктор Миронов, заперев комнату, неожиданно подошёл к комнате хозяйки, два раза коротко стукнул в дверь. Выглянула сначала старуха хозяйка, потом Лиза. О чём-то коротко все трое переговорили у двери. Лёнька с удивлением на это смотрел. Когда это его «старший брат» с хозяйками так подружился?..

А Виктор подмигнул парню и махнул рукой.

Они вышли из подворотни, повернули направо. Миронов шёл прямо, уверенно и Лёньке сказал:

— Не оглядывайся, иди спокойно.

Они прошли несколько кварталов, прежде чем Виктор остановился у витрины магазина, якобы что-то рассматривая там.

— Чего там, Виктор? — поинтересовался

Лёнька.

— Сам посмотри. Только встань на моё место,
— ответил Миронов и отшагнул.

Лёнька встал на его место и взглянул в витрину. Свет падал так, что в стекле, как в зеркале, отражалась вся улица позади них.

— Видишь? Свободно. За нами никто не идёт. А не идёт потому, что скорее всего уже поднимается по лестнице нашего дома. Так что давай-ка, брат, мы ускоримся.

Но с этими словами Виктор Миронов не повернул назад и не побежал к их дому. Он пересёк улицу и дворами через внутренние ворота, параллельно их улице, вернулся к дому, а точнее — во двор той булочной, что находилась напротив их дома.

Через задний вход они попали в булочную, причём встретил их сам хозяин, приветливо поздоровался с Мироновым, посадил за столик у окна. Видно было, что и с этим похожим на купца третьей гильдии или приказчика суетливо-улыбчивым человеком Виктор когда-то успел познакомиться и о чём-то договориться.

Он перед ними и самоварчик поставил, на самовар ещё и две связки баранок были надеты. И чашки на блюдечках, и колотый сахар в вазочке.

— Дуй, — кивнул на самовар Виктор.

— Да я этого чая уже обдулся! За всю жизнь столько, сколько с тобой, не пил!

— А говорят, что вологодские — водохлёбы, — пошутил Миронов. — У тебя ж батя-то из-под Вологды...

— Ну, — кивнул Лёнька.

Но Виктор этого уже не видел. Он внимательно смотрел на окно их комнаты.

— Есть! Пошли! — сказал и, не притронувшись к чаю и баранкам, поднялся, почти бегом вышел из булочной, пересёк улицу и нырнул в подворотню. Лёнька — за ним.

...За некоторое время до этого к дому подъехала пролётка, из которой прыгнул невысокий широкоплечий человек в чёрном добротном костюме, низко надвинутом на глаза котелке, с лёгкой тросточкой в левой руке. Он оглянулся на калитку, ведущую в дом напротив, рядом с булочной. В калитке стоял дворник, по видимости, татарин — широкоскулый и узкоглазый. Дворник кивнул человеку в чёрном, и тот сразу вошёл во двор дома, из кото-

рого незадолго до этого вышли Миронов и Лёнька. Поднялся по лестнице до их квартиры. Нажал кнопку звонка.

Открыла старшая хозяйка Екатерина Семёновна.

— Здравствуйте. Вы сдаёте комнату? — Понимающий человек отметил бы лёгкий почти незаметный восточный акцент. Скорее всего, японский...

— Да, сдаём, проходите, пожалуйста. Лиза, покажи господину комнату. Как же вас звать-величать? — обернулась к посетителю.

— Утида.

— Господину Утиде... А я — Екатерина Семёновна.

— Мне очень приятно, — старательно проговорил торговый представитель одной из японских фирм в СССР и, конечно, разведчик Утида.

Из комнаты вышла Лиза, скромно кивнула мужчине и, включив свет, пошла по коридору. Остановилась у двери, достала из кармана белого передника ключ, открыла. Утида, прежде чем войти, спросил, кивнув на соседнюю дверь:

— Там кто-то живёт?

— Да, очень спокойные жильцы. Да их и дома-то никогда нет...

Утида удовлетворённо кивнул, вошёл в комнату и, почти не глядя, сказал:

— Беру. Попросил бы в течение двух часов меня не беспокоить. Я хочу отдохнуть. Это задаток.

Он протянул Лизе деньги, которые она приняла и убрала в карман передника, а ключ от комнаты отдала Утиде.

Когда девушка ушла, японец замер в комнате, у самой двери. Он внимательно слушал. Затем приоткрыл дверь, ещё постоял и быстро вышел. Дверь в соседнюю комнату совсем рядом. Утида сначала, видимо на всякий случай, попробовал открыть её ключом от своей комнаты — не получилось. Он кивнул. Достал из внутреннего кармана два длинных крючка-отмычки, и через несколько секунд дверь распахнулась: замок был простенький.

Лиза выглянула из кухни и увидела, что он вошёл в комнату Миронова и Лёньки, в последний момент, до этого она бесшумно стояла у стены и слушала, когда закрылась дверь. Она тут же подошла к кухонному окну, тоже выхо-

дившему на улицу, и махнула белым платком.

В комнате Утида сразу увидел стоящий на стуле рядом с кроватью саквояж, но опытный разведчик не бросился к нему, он быстро и бесшумно подошёл к окну. Дворник стоял в калитке двора напротив, и метла в его руке была повернута вицами вверх. Это был сигнал.

Виктор и Лёнька уже поднимались по лестнице в квартиру.

— Стой там, — скомандовал Миронов парню, указав на площадку выше по лестнице, уже перед чердаком. — Если Утида будет уходить, постарайся проследить за ним. Понял? — Лёнька кивнул.

Утида схватил саквояж, выскочил из комнаты, дёрнул дверь комнаты хозяек, она оказалась заперта. И услышал шорох в кухне — Лиза отходила от окна. Японец кинулся туда и до того, как Миронов вошёл в квартиру, успел схватить девушку.левой рукой, в которой был саквояж, он держал её сзади, обхватив за шею; в правой был нож с узким лезвием, который он упёр в бок Лизе. Она даже не успела вскрикнуть.

— Господин Утида, не делайте глупостей, — стараясь говорить спокойно, сказал появившийся на пороге кухни Миронов.

— Отойдите! — скомандовал японец.

— Отпустите девушку, и я отойду. Саквояж пуст. Вы же понимаете...

Утида бросил пустой саквояж под ноги, оттолкнул в сторону и, не выпуская Лизу, прикрываясь ею, пошёл к выходу. Миронов отступил, пропуская их в коридор.

Выглянула из своей комнаты Екатерина Семёновна, вскрикнула. В этот же момент Утида толкнул Лизу на Миронова и ударом ноги распахнул входную дверь, выскочил в неё. Лёнька, стоявший за дверью, — опять не послушался Виктора! — от этого удара скатился по лестнице вниз, но тут же вскочил. Утида в прыжке сверху нанёс разящий удар в грудь подростка. Лёнька сел у стены, и струйка крови потекла из угла рта.

Виктор передал обмякшую, потерявшую сознание Лизу на руки Екатерине Семёновне, а сам ринулся на лестницу.

Увидел внизу Лёньку, склонился над ним:

— Лёнька, Леонид... — парень приоткрыл глаза.

— Что ж ты, братишка!.. Я тебе где велел стоять?..

— Извини, брат, — ответил Лёнька.

Пришедшая в себя Лиза тоже выбежала на лестницу, спустилась к «братьям», присела перед Лёнькой, положила его голову себе на колени, вытерла кровь белым платком. Виктор же бросился во двор, на улицу. Конечно, никого уже не было видно. Шли неторопливо какие-то посторонние люди, проехала пролётка, звенел на соседней улице трамвай. Окно булочной было наглухо закрыто ставнями. А у калитки во двор соседнего дома всё так же стоял дворник в белом фартуке и с метлой. Так же, да не так... Он стоял боком к улице, прислонившись к кирпичному воротному столбу. Виктор подошёл к дворнику. На его дворничком фартуке расплывалось красное пятно, и глаза уже невидяще смотрели в небо.

Остаток этого дня прошёл в милицейской и больничной суете. Миронов сам объяснился с первым же подбежавшим к месту происшествия постовым милиционером. Он показал ему какие-то корочки — молоденький румяный постовой вытянулся, отдавая честь, и в дальнейшем уже выполнял все команды Миронова. Вскоре здесь уже работали сотрудники уголовного розыска. Приехавшая на автомобиле скорой помощи медицинская бригада констатировала смерть дворника Залибекова. На этой же машине увезли Лёньку.

— Куда его? — спросил Миронов.

— В Первую градскую, — ответил усатый санитар, захлопывая дверь.

Лёнька, когда его выносили из дома и помещали в машину, лежал на носилках присмиревший — кажется, более ошалевший от проявляемого к нему внимания, чем ослабевший от страшного удара Утиды.

Вызывали врача и для Лизы. Тот после осмотра девушки рекомендовал временный полный покой, отдых.

— Нервное потрясение. Скоро пройдёт, — улыбнувшись, сказал пожилой доктор, выпиывая лёгкое успокоительное.

К Миронову ещё приходил высокий худощавый, с острым взглядом человек в тёмной одежде, похожий на того, кто передавал ему свёрток в ресторане. Они о чём-то говорили около часа за закрытой дверью в комнате, где жили Виктор и Лёнька.

Глава 9. Бедная Лиза

Уже поздно вечером Виктор Миронов, не расправляя постели, лёг на диван и сразу крепко уснул.

Он долго спал безо всяких снов, будто провалился в чёрную яму, но не осознавал ни этого провала, ни времени. Потом появился звук, будто вздох. Он спал и слышал своё тихое дыхание. Или не своё... Или это вздыхали набегавшие на береговую гальку холодные волны... Или... Он понял, что кто-то всхлипывает, плачет.

Миронов проснулся, но ещё не вставал. Слушал. Потом поднялся. Бесшумно вышел из комнаты, прошёл в кухню. Девушка сидела у окна, за которым бледно светил уличный фонарь. Она испуганно вскинулась, увидев Виктора, и, кажется, опять чуть не упала в обморок.

— Не бойтесь, Лиза, это я, — громким шёпотом сказал Миронов.

Она ничего не ответила, опустила голову и снова подняла. Глаза её в бледном фонарном свете были полны, как показалось Виктору, не только слёз, но и надежды.

Он взял её за руку и тихонько потянул:

— Пойдёмте, Лиза. Не бойтесь.

Она покорно пошла за ним.

В комнате он усадил её на диван. Подал стакан холодного чаю.

— Лиза, расскажите всё. Ну, всё, что хотите. Вам будет легче.

— Екатерина Семёновна увольняет меня. Утром я уйду. Поеду в свою деревню или... не знаю...

— Говорите, Лиза.

Обладал ли Виктор Миронов способностью внушения? Или же сказалось физическое и психическое состояние девушки? А вероятно — и то, и другое. Но она, постепенно успокаиваясь, рассказала Миронову всю незамысловатую историю своей жизни.

— ...Я из Дмитриевского, это в Саратовской губернии село. У нас семья большая была, и жили справно. Хорошо жили, всей семьёй робили... Речка там у нас Терешка, она потом в Волгу впадает. На Пасху, помню, по сябрам²² ходили — в каждом доме яички давали. А к нам

христославы приходили — так и мы подавали... Там у нас степи и холмы, и каждый раз весной на тех холмах расцветали лазоревые цветы. Нигде больше таких не видела. Потом война-то началась германская — двух старших братьев забрали, и обоих убило. Отца не брали — он уже старый для войны был. Ещё двое братьев оставались, да нас три сестры, я из них средняя... Потом революция началась, Гражданская. Сначала у нас красные в селе были, потом откуда-то чехословаки взялись, потом — белые, потом — бандиты, потом опять красные... И все же грабят! Отца убили, братья — один с красными, другой с белыми ушли... А потом голод начался. Страшно...

— Ты не рассказывай страшное, Лиза, не надо, я знаю...

Девушка кивнула, не обратив внимания, что Миронов перешёл на «ты». Продолжила свой рассказ:

— У нас в сябрах... ну, соседями... Царапкины были. Хозяина Иваном Алексеевичем звали. Был он большевик и служил в ЧК. Человек был строгий. Может, и на его руках кровь была при такой-то службе... Только и добрый был. Уже половина села поумирала, остальные разбрелись кто куда. А куда? Кругом голод и смерть. Царапкин этот с отцом-то нашим дружил, и, когда отца бандиты расстреляли (отказался он последнюю лошадь им отдать), Иван Алексеевич за нами присматривал. Хоть у самого семья была — жена да две дочери, старался он нам помогать. Ну, когда уж совсем помирать стали, Иван Алексеевич собрался в Москву. У него там, — говорил он, да, видно, так и оказалось, — в самом Кремле друзья были... Откуда такие друзья-то? А вот мужики с нашего села всё на заработки в Баку ездили, как там нефть-то нашли да качать начали. Вот Царапкин туда тоже и завербовался ещё в начале века. Там и познакомился. Слыхивала я в разговорах фамилии и имена: Киров, Серго, Со-со, Джапаридзе... Всё будущие известные большевики. Я уж не знаю... Что слышала, то говорю. Вот он собрался в Москву — к Серго, говорит, пойду просить помощи. Его жена уж померла, дочери лежали. У нас мама ещё жива была, одна сестра померла, вторая лежала, а я ещё ползала. Вот он меня с собой в Москву взял.

На поезде ехали две недели. Он всем бумаж-

ку какую-то показывал, да и за наган чуть что хватался, хотя сам на ногах еле стоял. Добился, чтобы нас в воинский эшелон взяли. Вот там из солдатской кухни нас сперва и подкормили. Я-то чуть не померла, как поела, — тоже Иван Алексеевич спас: хлеб отнял, велел сперва бульон с ложечки пить.

А в Москве он сразу Екатерину Семёновну по адресу нашёл — она ж наша, дмитриевская, да и родня ему какая-то дальняя вроде. С давних пор в Москве. Вдова. Сдачей комнат в своей квартире живёт. Уж как ей эта квартира досталась — я не знаю, а верно, от мужа, купца второй гильдии. В булочной-то, — с «ша» на московский манер Лиза произнесла это слово, — что напротив дома, мужнин племянник сидит. Вот Царапкин меня к ней и определил в прислугу. Она вроде сначала ему и родней не призналась, и меня брать не хотела, да Иван Алексеевич ей свою бумагу показал, наганом, правда, не грозил, — она и согласилась. Вот я уж четвёртый год тут служу — грех жаловаться.

А Царапкин и правда пошёл в Кремль к какому-то Серго. Там, говорят, это уж я от Екатерины Семёновны слышала, такую бумагу получил, что поехал с ней в Сибирь и оттуда привёз в наш уезд эшелон хлеба и всех от голодной смерти спас. Правда, к тому времени его семья вся перемерла. Из моих одна сестра младшая осталась, да, говорят, умом тронулась. Вот уж теперь домой поеду — найду её. Глашей звать. Жива ли тоже, бедная?.. Цел ли дом? Ничего не знаю.

Лиза закончила свой рассказ и будто очнулась, с удивлением глядела на Миронова, не понимая, почему и зачем рассказала этому малознакомому и непонятному человеку свою горькую историю.

— Бедная Лиза, — сказал вдруг Виктор, поднялся, шагнул к ней и прижал голову девушки к своей груди. Но тут же смущённо отшатнулся: — Извините...

— Ни-че-го, — прошептала она. И добавила, подняв на него глаза: — Чаю хотите? Я самовар — мигом...

Когда они шли по коридору в комнату Миронова, старая хозяйка приоткрыла свою дверь и, почему-то ничего не сказав, сразу закрыла. Лиза испуганно вскинулась, но Виктор

взял её за руку:

— Не бойся. Больше ничего не бойся.

— Может, чаю? — опять спросила Лиза уже в комнате.

— Нет, чаю больше не надо, — ответил Миронов, обнимая её.

— ...Лиза, собирай свои вещи, больше ты сюда не вернёшься. И пойдём-ка мы с тобой в больницу. Братишку проведем.

Виктор достал из-под кровати саквояж, достал из него кимоно, уложил под него свёрток с книгой, что-то ещё проверил, вернул кимоно на место, надел пиджак.

Наконец они с Лизой вышли из комнаты. Миронов стукнул костяшками пальцев в дверь комнаты хозяйки и, не дожидаясь ответа, распахнул её:

— Собирайтесь, Лиза.

Екатерина Семёновна будто тут же за дверью их и ждала: стояла, поджав губы, сложив руки перед собой. Испуганно молчала.

— Это вам в порядке премии за помощь и моей личной благодарности, — с лёгкой иронией произнёс Виктор.

Хозяйка с поклоном приняла деньги.

Вскоре Виктор Миронов и Лиза шли по улице в сторону Первой градской больницы. В руке Миронова был солидный кожаный саквояж, а за спиной смешно и горбато топорщился приотроченный баул с вещами девушки.

Глава 10. Лёнька Чинарь

— Здорово, босота, — прохрипел стриженный парняга с перебитым носом и синими от татуировок кистями рук, торчащими из-под коричневого больничного халата, в котором этот явный бандит лежит на соседней кровати.

Лёньке даже показалось, что он опять где-то на Хитровке, в притоне.

Он в ужасе затряс головой и тут же вспомнил и Виктора Миронова, и Утиду, понял, что он в больнице.

— Чё зыришь? — продолжал сосед-бродяга.

Лёнька молчал. И тот продолжил допрос:

— Кликуха как?

— Лёнька Чинарь.

— А я Вася-скок. Ну, я сразу вижу, что из наших, — усмехнулся парняга, доставая из кармана пачку папирос «Братишка». Щелчком пальца он вышиб из пачки папиросу, воткнул в угол кривого рта, потянулся в карман за спичками.

Тут подал голос дедок с седой острой бородёнкой, лежавший на койке с другой стороны от Лёньки:

— Курить так дуй в калидор, не впервой сказано! Выискался тут ухарь... И чего к парнишке привязался? Он только в себя пришёл.

— Дед, не кипишуй! Парнишка этот обнесёт тебя — ты и не заметишь...

— Ну-ка захлопни пасть! — раздался голос из угла. Там лежал, заложив руки за голову, крупный мужчина, накрытый серым одеялом, с таким же серым больным лицом. — Ты не в притоне. Сказано не курить здесь — значит, и не будешь курить. К нам бы на завод тебя, тунеядца...

— Да уж к вам бы на завод... — ответил, презрительно кривя губы, переключивая из одного угла щербатого рта в другой папиросину.

Вася-скок поднялся, пошёл между коек к выходу из палаты. Позвал ещё:

— Пошли, Чинарь, поботаем...

Лёнька и хотел было пойти, попытался сесть на кровати, но его сразу замутило, а больше установил голос того рабочего:

— Не ходи с ним, паренёк. Что было — прошло. Новая жизнь будет. Всем вам, беспризорникам, профессию дадим.

Лёнька лёг и закрыл глаза. И вдруг подумал: «Когда же я наконец человеком стану? Ведь я и помыт, и одет, ушёл с Хитровки насовсем... И всё равно сразу во мне хитрованца увидели. Нет, видно, так мне и быть всю свою жизнь Лёнькой Чинариком... Не бывать человеком...» Даже слёзы навернулись от жалости к себе.

Но тут в палату принесли завтрак, и жизнь стала веселее. Лёнька, похлебав жиденького супа, прогулялся по больничному коридору, посмотрел в окно на Москву-реку, по которой шёл, выпуская бойкие клубы дыма, белый пароходик.

— Дуй в палату, сейчас осмотр будет, — велел сидевший у выхода на лестницу усатый санитар.

Лёнька вернулся в палату, а вскоре действи-

тельно пришёл доктор — невысокий толстячок в очках и белом халате, с ним ещё какая-то очень красивая, тоже в халате, медичка и тот усатый санитар.

Врач потрогал место на Лёнькиной груди, куда, видимо, и ударил Утида:

— Больно? Тошнота есть? Голова не болит?

Лёнька и не вспомнил, что утром не сразу смог подняться от боли в груди и головокружения.

— Нет, не больно.

— Ну, ну, — буркнул доктор и сказал, обращаясь непонятно к кому — красивой докторше или санитару: — Наблюдайте.

Лёнька не слушал, что говорил доктор другим обитателям палаты. Его сейчас интересовало, где же его одежда, потому что на нём сейчас был поверх подштанников и застиранной нательной рубашки коричневый страшный халат.

Он почему-то только сейчас подумал об одежде и не знал, у кого спросить про неё и стоит ли спрашивать.

— Ништяк! — неожиданно сказал блатной Вася с соседней койки. И добавил: — Вот ещё бы пивка сюда — и век бы тут жил.

Неожиданно его поддержал и старик с соседней койки:

— Да, пивка бы! Холодненького... — мечтательно пролепетал он.

Подав голос из своего угла и рабочий, причём сразу обратился к Лёньке:

— Парень, может, ты сбегаешь за пивом-то? Ларёк тут неподалёку. Денег я дам.

— Вот это по-нашему! По-пролетарски! — аж подпрыгнул на своей койке блатной.

— Сиди там, пролетарий, — тут же осадил его рабочий. — Мы-то пиво на свои заработанные пьём, а вы-то — шпана...

— Дядя, в больнице и в бане все равны, — парировал Вася-скок. — Так чего, Чинарь, слётаешь?

— В чём? В этом? — тряхнул Лёнька халат на себе.

— Это мы сейчас решим, — сказал рабочий. — Позови-ка сюда санитаря, скажи: Петрович кличет.

Лёнька позвал санитаря. Тот пришёл в палату, о чём-то пошептался с ним Петрович, и санитар махнул Лёньке:

— Иди за мной, малый.

Санитар шёл первым, Лёнька чуть сзади, де-

лая вид, что идёт сам по себе.

У неприметной боковой двери санитар оставался, осмотрелся по сторонам, пропустил нянечку, шедшую в соседнюю палату, быстро отпер ключом замок, снова махнул Лёньке, пропустил его в комнатку и прикрыл дверь.

— Капёрка у меня тут. Всё ваше барахлишко здесь, в целости-сохранности, — говорил он, перебирая висевшую на крючках одежду. — Я ж людям не враг. Понимаю, что хочется. Только ты уж давай не подведи меня, — бормотал он, выискивая Лёнькину одежду. — Вот твои штаны, а вот и рубаша, и пиджачок... Да ты, парень, неплохо одет-то. А вот и ботиночки твои — новые. — Санитар даже покачал головой и крутанул пальцами ус, любуясь Лёнькой, облачающимся в одежду, которую совсем недавно купил ему Миронов.

Лёнька сунул в карман деньги, что дал ему рабочий Петрович. И только сейчас сообразил, спросил:

— А в чём нести-то? Посудину надо.

— Есть... есть, — даже ласково ответил санитар и достал из-под стола аккуратный бидончик с ручкой и крышкой. — Вот. Не впервой же. Я же понимаю... Подожди-ка.

Он выглянул в коридор, махнул Лёньке, быстро провёл его к боковой лестнице, выведшей парня на задний двор больницы.

— За каретником в заборе дыра есть. В неё и сразу направо. Никуда не сворачивай. Прямо к ларьку и выйдешь... Да смотри, чтоб не одна пена, пусть отстоится, — напутствовал он парня.

— Знаю, дядя. Мне тоже не впервой, — отмахнулся Лёнька и, быстро перебежав двор, скрылся за каретником.

Вскоре он был у ларька, очередь была небольшая, да и двигалась быстро.

— Вася, давай с прицепом! — звал приятель дружка выпить водки с пивом.

— Катя, ну что ж ты не доливаешь?

— Чего — «не доливаешь»?! Пошёл отсюда.

— Э-э, не задерживай очередь!

— Да она развлекает, да ещё и недоливает!

— Куда без очереди!..

Лёнька не стал ждать и небольшую очередь, сумел притереться за мужичком у прилавка и сразу за ним сунуть свой бидон продавщице.

— Куда лезешь! — дёрнул его за плечо мужчина в клетчатой кепке и в галстук под тужуркой.

— В очередь!

— Дяденька, мне в больницу! Брат помирает, просит перед смертью пивка холодного, — жалобно пролепетал Лёнька.

— Какой ещё брат?

— Поэт Есенин. Помните: «мы теперь уходим понемногу в ту страну, где тишь и благодать...»?

— В какой больнице Есенин?

— В Первой градской...

— Забирай свой бидон! — кричала уже толстая продавщица.

— Серёжа просил, чтобы пена отстоялась, — так же жалостливо почти пропел Лёнька Чинарь.

— Да Есенину-то надо бы без пены! — поддерживал его и гражданин в кепке.

— Давай! — крикнула продавщица и долила в бидон до самого верха.

— Спасибо, тётька! — крикнул Лёнька, прикрыл бидон крышкой и, стараясь не качать его, пошёл обратно к больнице.

Мелькнуло в голове, что можно бы и не возвращаться туда: и пиво есть, и ещё сдача осталась, и можно почти фартовым парнем явиться перед хитровскими беспризорниками. И, между прочим, стрясти котлы²³ Виктора Миронова. Но тут же подумал, что Миронов не похвалил бы его за такой поступок — не за часы, а за то, что убежал с чужими деньгами. Да и сам не хотел обманывать своих сопалатников.

Тем же ходом он вернулся в больницу, поднялся на свой этаж. Коридор был свободен, санитар куда-то отошёл.

Лёнька сразу прошёл в палату и был встречен одобрительными возгласами:

— Вот молодец, парень!

— Вот спасибо!

— Ну, удружил!

Лёнька подал бидон Петровичу, тот сел в кровати и прямо через край сделал длинный глоток:

— Холодное!

Уже ковыляли к ним бородатый дедок и прилапленный Вася.

Лёнька вынул мелочь и высыпал на серое колючее одеяло.

— Возьми себе, — сказал Петрович.

Но Лёнька уже шёл к выходу.

— Э-э, парень, иди сюда! — окликнул его уса-

тый санитар из другого конца коридора.

Но Лёнька и не думал слушать его, он бросился к той же двери на лестницу и уже не слышал, что кричал санитар, бежавший вслед за ним.

Через тот же пролом в стене он вылез на улицу, но на этот раз повернул не направо, а налево.

... Петька Копчёный, глава хитровской беспризорной вольницы, посмотрел на Лёньку оценивающе.

— Да, Чинарь, хорошо ты этого фраера причесал — и отгелся, и оделся...

— Он не фраер...

— А кто ж он, блатной, что ли? Фартовый? Честный жулик?

— Не твоё дело кто, а котлы, что у него тиснул, отдай.

— Братва, да он оборзел, — с ухмылкой сказал Копчёный стоявшим позади него беспризорникам. — Жила, разберись-ка с ним.

Жила, здоровый угрюмый парень, шагнул вперёд, закатывая рукава драного пиджака, надетого на голое грязное тело.

Ну, пожалуй, Жилу — здорового, но неповоротливого парня — он бы и без всякого дзю-до уделал. Лёнька это знал. Знал это и сам Жила, но не мог не подчиниться Петьке Копчёному.

Но Лёнька не просто ударил или повалил его. Он, поднырнув под руку Жилы и прихватив ногу, провёл бросок, который Мионов по-русски называл «мельница», а японское название Лёнька не запомнил. «Это любимый бросок самого Дзигоро Кано — создателя дзю-до, мне это Василий Сергеевич Ощепков рассказывал», — говорил на недавней утренней тренировке Виктор.

И хотя Лёнька ещё совсем плохо владел приёмами, сейчас на высоком увальне Жиле «мельница» получилась хорошо и эффектно — только ноги мелькнули, и Жила упал на грязные булыжники мостовой. Впрочем, Лёнька ещё и подстраховал его — придержал за рукав и штанину, чтобы сильно не грохнулся, а потом и помог подняться.

Копчёный махнул, и вся беспризорная толпа отошла от него и Лёньки.

— Ловко ты, — уважительно сказал он. — У этого научился?..

— У этого. Часы верни.

— Да как я их верну-то? Я их сразу толкнул Сивому, а он в лавку к Мойше отнёс. А тот, может, ещё и не продал, а может, и продал...

— Ясно, — сказал Лёнька. — Ну, бывай, Копчёный.

— Чего, больше не вернёшься к нам? — спросил ещё тот.

— Не! Не вернусь, — ответил Лёнька, хотя и сам ещё не был уверен в своём будущем. Но хотелось ему верить, что не вернётся, что останется с Мироновым. А что будет с Мироновым и кто он вообще такой? И этого Лёнька до конца не понимал.

Но сейчас он и не пытался понять. Он спешил в лавку часовщика и антиквара, а точнее — старьевщика Миши Ливенсона.

— Здравствуйте вам, хороший гражданин, — приветствовал Ливенсон. — Часы сдаёте? — спросил напрямую часовщик, старьевщик и скупщик краденого; приличная одежда на Лёньке не ввела его в заблуждение — хитрованских огольцов он знал и в лицо, и даже в затылок.

— Нет, Миша, покупаю! — удивил всё же часовщика парень. — Серебряные котлы, с гравировкой, которые Сивый приволок, ещё у тебя?

— Удивляешь ты меня, оголец, — покачал головой Миша. — Часы те примерно полчаса назад приобрёл весьма серьёзный товарищ, я бы даже сказал, господин...

— Кто?

— Откуда же Мише знать? И что за тон, оголец?

— Миша, ну скажи, пожалуйста, очень надо. Я расплачусь, ты же меня знаешь.

— Знаю, знаю... Знаю я вашего брата, и поэтому своё «расплачусь» можешь оставить при себе... Я не уверен, но мне кажется, что этот товарищ, похожий на господина, трудится в конторе под поэтическим названием «Мосгорстрой» и зовут его Игорь Семёнович Соколянский.

Так сказал часовщик и скупщик краденого Миша Ливенсон и добавил:

— Расплатишься, когда разбогатеешь, оголец. — И сказал он это так, будто был абсолютно уверен в том, что оголец разбогатеет и не забудет его — часовщика, старьевщика и скупщика краденого.

Лёнька нашёл «Мосгорстрой» в огромном сложном здании неподалёку от трёх вокзалов.

И глупо попался. Как последний фраер. Он просто заглянул в одну из приоткрытых дверей длинного коридора — там никого не было, а на столе лежали часы... И когда он с часами в кармане выходил из кабинета, его и прихватили под белы ручки сидевшие в соседних кабинетах милиционеры (двое) и сам товарищ Соколянский Игорь Семёнович.

Оказывается, все последние недели «Мосгорстрой» и другие организации, находившиеся в этом здании, страдали от кабинетных краж. Воровали из незакрытых кабинетов всё, что под руку попадётся. От сидевшего у главного входа вахтёра-сторожа толку никакого: входов несколько, были многочисленные боковые, «тёмные» входы-выходы, людей во все эти конторы ходило столько, что уследить за всеми абсолютно невозможно.

И вот товарищ Соколянский, начальник одного из подотделов «Мосгорстроя», решил устроить засаду совместно с милицией (он имел личные знакомства в ближайшем отделении).

В эту засаду, как кур в ошип, и попал Лёнька Чинарь.

— Вот!.. Попался! — кричал Соколянский, маленький, кудрявый, востроносый. — Вот они, мои часы! В его кармане!

Лёнька не оставался в долгу:

— А ты где их купил-то? У скупщика краденого! Посмотрите, там же дарственная надпись имеется!..

— Разберёмся, — отвечал угрюмый милиционер, под руку ведший задержанного в отделение милиции.

Шёл Лёнька в милицию и опять подумал: «Не бывать мне приличным человеком! Век Чинарём оставаться...» Он дёрнулся и было вырвался из рук угрюмого милиционера, но тут же был схвачен за шиворот вторым — улыбчивым стражем советского порядка:

— Ишь, какой шустрый! От нас не убежишь!

Он сначала схватил Лёньку за шиворот, а потом прихватил руку так, что со стороны и незаметно было, что держит как-то по-особому, но при малейшем движении в сторону локоть захваченной руки пронизывала резкая боль.

— Иди, иди, шустряк. Против системы «сам» ты никто...

Глава 11. «Сам»²⁴ против дзю-до

Виктор Миронов и Лиза появились в травматологическом отделении Первой городской больницы, когда там стоял шум и гам.

Невысокий толстый человек, сверкая очками, кричал на усатого санитаря:

— Семёнов, каким образом больной смог забрать свою одежду? Каким образом?! Молчать! Я вас спрашиваю! Откуда в палате пиво? Молчать! Я вас уволю!..

— Уважаемый... Товарищ доктор, можно вас на минутку? — окликнул его Миронов.

— Можно, — недовольно ответил тот. Но тут же опять заорал: — Что за бардак! Почему посторонние на отделении?

— Ну какие же мы посторонние? — снисходительно сказал Миронов и достал из внутреннего кармана книжечку, взглянув на которую, доктор сразу успокоился и даже сник.

— Я слушаю вас, товарищи, — сказал он. — Внимательно вас слушаю, — повторил.

После разговора с доктором Виктор и Лиза зашли в палату. Миронов положил на свободную койку пакеты с едой: были там и свежие бублики, и калач аппетитно пахнущей колбасы, и конфеты-леденцы, и яблоки.

— Угощайтесь, товарищи. А если кто-то знает, куда мой непутёвый брат сбежал, поделитесь, пожалуйста.

— Да хороший парнишка-то! Я хотел его к нам на завод... — первым сказал рабочий Петрович.

— Да, парнишка отзывчивый, — подтвердил дед с седой бородкой.

А Вася-скок, отламывая хороший кусок колбасы и прибирая пару бубликов, развязно сказал:

— Ты про брата кому другому заливай. Он тебе брат, как эта барышня, — кивнул на Лизу, — сестра. Хоть ты его и приодел, а он как был хитрованцем, так им и остался. Сколько волка ни корми...

— Он тебе сказал, что на Хитровку подался? — оборвал пустые разглагольствования Виктор.

— Ничего он мне не говорил, — изобразив обиду и прихватив из другого пакета пару яблок, ответил Вася.

— Понятно. До свидания, товарищи.

Они вышли на улицу, и Миронов сказал, обращаясь скорее к самому себе, чем к девушке:

— А, пожалуй, этот гопник и прав. Придётся нам на Хитровку ещё раз сходить, — и заботливо спросил: — Не устала?

— Не-а, — ответила Лиза и, вдруг осмелев, взяла его под руку; он прижал её руку к себе и подумал, что никогда и никому уже эту девушку не отдаст.

Они шли рядом, тесно прижавшись, молча, и Лиза думала о том, что всюду пойдёт за Мироновым.

Виктору не хотелось случайно встретиться с негласным хозяином Хитровки Емельяновым или с кем-то из его приближённых. Поэтому у Яузских ворот он окликнул первого увиденного беспризорника:

— Слышь, оголец, дело есть, — поманил пальцем.

— Чего надо? — приблизился, опасливо оглядываясь, чумазый мальчишка лет десяти в грязных лохмотьях.

— Копчёного знаешь?

— Кто его не знает...

— Можешь сюда позвать?

— Позвать-то могу, а вот придёт ли — не знаю.

— А ты скажи, что лучше самому прийти, чем если я его найду, — ответил Миронов и протянул беспризорнику монету.

Монетка, сверкнув на ярком уже полуденном солнышке, спряталась в чёрной ладошке. А через мгновение будто и не было пацанёнка, только шумел за воротами Хитровский рынок...

— Ну, и не придёт он, — вздохнула Лиза.

— Как миленький... — ответил с усмешкой Виктор.

И точно, минут через пять появился Петька Копчёный в окружении беспризорной мелкоты, но за спиной его стоял всё тот же большой, неповоротливый, но готовый исполнить команду хозяина Жила.

Копчёный отделился от ватаги, подошёл один.

— Привет, фартовый! — протянул руку Виктору и взглянул вопросительно на девушку.

Виктор руку его, чистую и даже с постриженными ногтями, пожал как бы случайно так, что Копчёный чуть присел, но тут же выпрямился, оглянулся — не заметили ли чего его товарищи. И, не дожидаясь вопроса, заговорил:

— Котлы с тебя не я снял. Ты их теперь у своего Чинаря спрашивай, он приходил, искал. Наколочку я дал ему, так что, думаю, нашёл он...

— Когда Леонид приходил? — перебил Миронов.

— Вчера днём.

— Ну и какую ты ему наколочку дал?

— А мне какая, вообще, с того выгода, что я тебе всё расскажу? — нагло спросил Петька Копчёный.

— А выгода тебе, что я тебя сейчас не сдам в милицию.

— Так на мне нет ничего. Ты на арапа не бери... Мент, что ли? А под фартового косишь...

— Найдётся на тебя, Пётр, всё, что нужно. Так что не шуми, а спокойно всё скажи и гуляй пока.

Вскоре они заходили в лавочку Миши Левинсона, а уже оттуда ехали на трамвае к большому зданию у трёх вокзалов. Ещё через час Виктор зашёл в отделение милиции, где его провели к камере предварительного заключения. В зарешённом помещении на лавке спал, заложив руки за голову, Лёнька, на соседней расположился ещё один бедолага.

— Ваш? — кивнул на парня милиционер.

— Наш. Лёнька, вставай!

Лёнька поднялся и, широко улыбаясь, пошёл к открываемой милиционером двери.

Виктор тут же дал ему несильного подзатыльника.

— Я для тебя старался, а ты... — опять сыграл обиженного сироту бывший беспризорник.

— Пошли давай, — ответил Виктор. — Здоровье как? Крепко тебя Утида саданул...

— Здоровье у вашего друга отменное, — сказал вдруг весёлый милиционер. — Если бы не система «сам», так и убёг бы! — Ему, молодому парню, недавно приехавшему из деревни, видимо, очень хотелось похвастать своими новыми знаниями и умениями.

Виктор взглянул на него и тут же спросил:

— Система «сам»? Фамилия Спиридонов вам знакома?

— Так это ж наш тренер! — ответил словоохотливый милиционер. Но тут же спохватился: — Только вы — никому, это секретно.

— Конечно. Но мы ещё поговорим.

Тут мысль в голове Виктора Миронова — проверить эту систему «сам», попытаться обезоружить милиционера. Но тут же он и прогнал эту шальную мысль, хотя за доли секунды в голове промелькнуло, как он одной рукой блокирует руку милиционера, захватывая её на болевой приём, другой открывает кобуру и выхватывает пистолет.

Милиционер же будто почувствовал его мысли — поправил кобуру на правом боку и весело сказал: «Ну, а в случае чего и без системы самообороны обойдусь, всегда успею выхватить и выстрелить», — и он показал ладонью, как выхватывает пистолет, а указательным пальцем, направив его случайно на Виктора, как стреляет. И Виктор понял, что действительно вряд ли бы сумел дотянуться до кобуры, тем более что пистолет еще и прикреплен кожаным ремешком к брючному ремню — некоторые пренебрегают этим правилом, но не этот весёлый исполнительный милиционер.

Они вошли в кабинет начальника отдела, где уже сидел гражданин Соколянский и давал показания о том, где и когда приобрёл часы, которые лежали на столе с раскрытой крышкой. На ней с внутренней стороны выгравировано: «Дорогому Виктору Африкановичу Миронову в память о совместных путешествиях — Владимир Арсеньев».

Из отдела уходили втроём: Миронов, Лиза и Лёнька. Часы лежали в кармане Миронова. Как так получилось? Соколянского попросили забрать заявление о краже часов в обмен за неоткрытие против него дела о приобретении краденого. А уж почему начальник отдела Пантелеев пошёл на всё это, останется тайной его разговора с Виктором Мироновым...

Вышли из отделения весёлые и пошли куда-то без цели.

— Ну, ты и обалдуй! — сказал Виктор Лёньке.

— Сидеть бы тебе в тюрьме...

— А часики-то у тебя! А где бы они были без

меня? — весело парировал Лёнька.

— Эх вы, братья! — совсем непонятно к чему сказала Лиза и улыбнулась.

И тут Виктор встал как вкопанный, хлопнул себя ладонью по лбу.

— Сидите тут — и никуда чтоб, я сейчас, — указал на сквер и скамейку.

— Ты чего, Виктор? — Лёнька спросил.

— Система «сам»! — ответил Миронов и быстро пошёл обратно в отделение.

Весёлый милиционер сидел на стуле рядом с дежурным по отделению и что-то весело рассказывал.

— Мы не договорили! — сразу сказал ему Миронов. — Давай-ка попробуем.

А милиционер будто только этого и ждал, сразу понял его, поднялся, встал наизготовку.

Виктор попытался нанести удар локтем с разворота, но милиционер мгновенно сблизился с ним, блокировал удар. Виктор успел взять захват за рукав гимнастёрки, подвернулся и провёл бросок через плечо. Милиционер упал, но уже в падении успел прихватить и дернуть ногу Миронова; тот в падении сгруппировался в кувырок и захватил руку милиционера на болевой приём.

— Есть! — вскрикнул милиционер и похлопал свободной рукой по полу.

Дежурный растерянно глядел на них, не зная, что предпринять.

— Спокойно, мы тренируемся, — поднимаясь и одёргивая гимнастёрку, сказал весёлый милиционер. Протянул руку Миронову и представился: — Петров.

— Миронов.

— Тоже система «сам»? Откуда?

— Система дзюу-до. Из Японии.

— Джиу-джитсу — слышал. Нам и Спиридонов про неё говорил, а дзюу-до впервые слышу...

— Ну, ещё услышишь, Петров! Так где и в какое время вас тренирует Спиридонов?

Петров назвал адрес, время, и они дружески расстались.

С того момента, когда Миронов оставил Лизу и Лёньку на скамейке в сквере, прошло минут двадцать.

— Куда ты пропал? — испуганно спросила Лиза.

— Я не пропал. Ты не бойся, теперь не пропадёшь...

Глава 12. Конец Утиды, триумф Ощепкова

Миронов быстро раскусил Виктора Афанасьевича Спиридонова.

Впрочем, Спиридонов тоже быстро раскусил Виктора Африкановича Миронова.

...Спиридонов с интересом взял в руки свою собственную книгу:

— Значит, до Владивостока дошла? — хмыкнул, усмехнулся. — И этот Ощепков тебе велит присмотреться ко мне, — прочитал наставление Василия Ощепкова на обратной стороне обложки. — Ну, присматривайся. Я к тебе присмотрелся. Боец ты классный, всех моих лучших ребят уделал. Но ведь все эти вольные поединки — это же чистый спорт, а система «сам», или «самбез», — это не спорт. Это наше — милицеейское! — дело. Мы как раз и не должны доводить дело до поединков.

Спортсмены — молодые милиционеры в своей обычной форме, только без ремней и босые, — сложили в стопку гимнастические маты и вышли из комнаты, оборудованной под спортзал. Спиридонов и Миронов сидели на стульях у окна. Миронов в кимоно, подпоясанном чёрным поясом. Спиридонов в полувоенной какой-то форме: гимнастёрка без знаков различия, ремень, галифе, сапоги. Лицо будто вырубленное из старого загрубевшего до каменной твёрдости куска дерева. Глаза недобрые, колючие. Он достал из кармана галифе пачку папирос, неторопливо закурил.

— Не куришь?

— Нет.

— А у меня почти все ребята курят. Потому что они не спортсмены, а милиционеры. Вот всё это, — он начертил в воздухе папиросным дымом неопределённую фигуру, — им не нужно. Моя система для них — оружие. Их задача — овладеть этим оружием: понять его, опробовать, пристрелять даже, как пистолет... А что это ваше джи-удо...

— Дзю-до, — поправил Миронов.

— Дзю-до... Оно же от джиу-джитсу? В чём разница?

— Дзю-дзюцу — древняя система подготовки самураев, сложившаяся на основе ещё более

древних китайских систем единоборств. Существует множество школ дзю-дзюцу — со своими секретами, якобы смертельными приёмами. Попасть в эти школы трудно, это закрытые системы... Ну, как ваша динамовская секция... Дзигоро Кано, создатель дзю-до, удалил, во-первых, весь этот таинственный и мифический туман, выделил несколько десятков основных приёмов борьбы и их варианты. И сразу рассматривал эту систему как открытую, доступную всем, именно как массовый спорт. Сейчас в Японии десятки тысяч людей занимаются дзю-до...

— А Ощепков? Он тут при чём?

— Василий Сергеевич, так уж сложилось, — первый русский, получивший вот этот не нужный вашим милиционерам чёрный пояс — знак мастера и учителя. И получил он его от самого Дзигоро Кано.

— А ты, значит, второй русский?

— Да. И свой пояс я получил от Василия Сергеевича.

— Где сейчас Ощепков? — спросил и будто вонзил острия глаз.

Миронов помолчал. Ответил:

— На востоке, — добавил: — На Дальнем Востоке.

Спиридонов кивнул. А Миронов сказал:

— Мы ведь сразу увидели, что ваш учебник — перерисовка европейских пособий по джиу-джитсу, как вы называете дзю-дзюцу. И никаких новых или старых «смертельных» приёмов в системе «сам» или «самбез» нет. Всё это было в дзю-дзюцу, всё это есть в дзю-до...

Спиридонов слушал молча, катая жёлтыми пальцами мундштук выкуренной папиросы.

— Да-да, из тех самых учебников, всё верно вы увидели. А где я должен был это взять, если я в России первый? Вы где-то там, на Дальнем Востоке. А мне здесь и сейчас нашу милицию обучать надо. И система моя, да, основанная на джиу-джитсу, работает и спасает моих ребят от смерти, от бандитских финок и наганов!.. — Спиридонов почти кричал. И враз снизил тон, успокоился: — Да, в поединках мы не сильны. Вот какое дело, Виктор. Из Германии приехала команда по джиу-джитсу. Рабочие какие-то, якобы профсоюзники. Но точно профессио-

нальные спортсмены. Здесь, в Союзе, с ними работает товарищ из Коминтерна...

Миронов кивнул, одновременно подтверждая сказанное и останавливая этот разговор:

— Да. Я знаком с товарищем Зорге.

— Ну, вот этот товарищ и рассказал им, что есть моя секция. Они предложили провести командную встречу. Наше руководство поддержало. Встреча, конечно, будет закрытая. Если она будет... Мои ведь чего — только заломы рук да рычаги умеют... ну там через спину... Бороться-то толком не могут. Разве что грузин есть один, он у себя там в селе боролся. «Чидаоба» по-ихнему борьба называется...

— Да, я с ним боролся сегодня. Хороший парень, кое-что умеет.

— Так вот. Мне надо или как-то отменить эту встречу, или подготовить ребят, чтобы хоть в одну калитку не проиграть. У нас есть две недели. Возьмёшься?

— За две недели, конечно, не подготовить толком... — раздумчиво ответил Виктор. — Хотя база-то у них есть, и неплохая, — польстил Спиридонову. — Жаль, что курят многие. Руку за спину завернуть это не помешает, а вот бороться без хорошего дыхания невозможно. Ну, ничего, ребята молодые, — уже практически рассуждал Миронов. — Обговорим ещё время схватки: минут десять, напимер, не больше...

— Ну, по рукам? — поднимаясь и протягивая сухую твёрдую ладонь, спросил, при этом как бы уже и утверждая, Спиридонов.

— По рукам. Мне Василий Сергеевич говорил, вручая пояс: ты теперь учитель, вот и учи везде, дзюу-до должно пойти в массы, — ответил Миронов.

— Да, — как бы случайно сказал Спиридонов, — тренирует их японец, мастер джиу-джитсу Утида.

Ещё по пути на новую снятую квартиру, где дожидалась его Лиза и зубрил под её руководством математику и грамматику Лёнька, который готовился к поступлению в школу, Виктор Миронов вспомнил один разговор с Василием Ощепковым. Это было незадолго до отъезда Виктора из Владивостока в европейскую часть России, а Василия — то ли в Китай, то ли в Японию.

Ощепков сказал:

— Знаешь, я в юности, когда в Кодокане учился, с приятелем одним поднялся на Фудзияму. А без этого японца понять невозможно... У них есть поговорка: «Поднимаясь на Фудзи, помни, что оставляешь позади». Я вот всегда помнил, что не позади даже, а во мне — Россия. Но и Японию я полюбил. Странно, да... Наши извечные враги, недавно прошла жестокая война, а я полюбил их. Среди них много удивительных, замечательных, добрых людей. И вот нам бы понять: почему одни добрые люди воюют с другими добрыми людьми... Это дело и разведчика, и спортсмена, и писателя — делать так, чтобы не было войн.

«Делать так, чтобы не было войн», — вот завет Ощепкова. Но есть Утида и такие, как он, — те, кому нужна вечная война. И вот с ними надо бороться. И на татами, и в жизни...

«Кстати, а почему Утида не скрывается? — рассуждал Миронов. — А что мы можем ему предъявить? Что я знаю о нём? Убийство дворника недоказуемо. Нападение на Лизу — свидетелей, кроме меня, нет. Всего этого мало. Бояться ему нечего. Но книга-то ему по-прежнему нужна. И значит, надо ждать встречи с ним. И не только на татами...»

...Две недели прошли в упорных тренировках. По два раза в день — утром и вечером. Во-первых, Миронов потребовал ограничить, а кто сможет — и бросить курение. Во-вторых, он сконцентрировал внимание на защитах от атак и контрприёмах, это давало возможность уж если не победить, то свести исход встречи вничью. В-третьих, он привлёк к работе уже и как тренера грузина Гогладзе. Тот показал захваты и варианты бросков из них, неизвестные в дзюу-до и, следовательно, в дзю-дзютсу. Но при этом грузинские приёмы никак не противоречили правилам дзю-дзютсу и поэтому могли применяться, став секретным оружием милиционеров.

На встрече присутствовали представители от ОГПУ, милицееское начальство, представители Коминтерна.

Немецкая команда вышла на покрытый брезентом ковёр из гимнастических матов в белых кимоно, на всех были коричневые пояса.

Вышел и их тренер Утида с чёрным поясом.

Ещё до начала встречи Миронов постарался показаться ему на глаза, долго стоял у входа в зал всё с тем же саквояжем. И Утида увидел его, сначала дёрнулся, хотел скрыться, потом взял себя в руки. Виктор Миронов сделал вид, что не видит его, но демонстративно прошёл в раздевалку своей команды, покачивая кожаным саквояжем.

И вот обе команды на ковре. Наши, в отличие от немцев, в подпоясанных гимнастёрках и закатанных до колен штанах. (К счастью, они даже не понимали, как комично выглядят.) И только тренер Виктор Миронов в белом кимоно с чёрным поясом. Его пояс вызвал явное удивление и уважение у немецких спортсменов.

Утида выступил с показательной программой. Его отточенная техника, лёгкость движений, точность и эффективность атак вызывали восхищение. Захват, рывок, бросок через спину, рычаг локтя... Захват, падение на спину, бросок через голову с упором стопой в живот, болевой... Захват, подсечка, удушающий захват...

Виктор смотрел на его выступление и поймал себя на том, что уже забыл многие японские названия приёмов.

Он тоже выступил, показал то, что раньше очень эффектно показывал Ощепков, а потом научил и его: освобождение от захватов спереди и сзади, обезоруживание вооруженного ножом и пистолетом, броски и болевые приёмы.

Ему хлопали не меньше, чем Утиде. А сами соревнования выдались тяжелыми, упорными. Ученики Спиридонова и Миронова действовали так, как и было задумано, — сначала разрушали атаки немцев, потом пробовали атаковать. У некоторых получалось. А Гогладзе даже выиграл свою схватку неожиданным броском прогибом с обвивом ноги. Усида пытался возражать, но судейская коллегия из представителей обеих стран и Коминтерна бросок засчитала.

Последняя схватка шла к логическому завершению — к ничьей. Тогда Виктор увидел, что Утиды нет в зале.

Да, он был в раздевалке милицейской ко-

манды и уже достал из саквояжа свёрток с заветной книгой.

Виктор вошёл, прикрыл за собой дверь. Утида встал в низкую стойку. Виктор знал, что он владеет не только приёмами дзю-дзютсу, но и кунг-фу, и каратэ. Сам он тоже их знал.

Тот самый смертельный приём школы Утида, удушающий с помощью ног и отворота кимоно, был близок к победному завершению. Виктор терял сознание, усыпал. Да, он не смог победить в поединке японского мастера...

И тут в раздевалку влетел весёлый милиционер Петров. Он мгновенно оценил ситуацию, выхватил из кобуры пистолет. Утида, откинув в сторону потерявшего сознание Миронова, схватил книгу и бросился в окно, с разбегу выбив раму ногой. Петров выстрелил вслед, но, видимо, не попал.

Он тут же бросился к окну и только покачал головой. Миронов поднялся, тоже подошёл к окну. Утида висел, наколотый на железные копы ограды. Книга лежала под оградой в траве.

— ...Ну, Леонид, оставайся здесь. Жди Ощепкова. Скоро он должен приехать в Москву. Книга — ваш пароль. Отдашь Василию Сергеевичу, он поймёт, что ты от меня, — говорил Виктор Миронов, прощаясь с учеником токаря и учащимся школы фабричной молодёжи Леонидом Власовым.

В ученики его принял тот самый рабочий — Петрович, с которым он лежал в одной палате. Найти Петровича не составило особого труда, а тот был рад взять шефство над приглянувшимся ему пареньком.

— А ты?.. А вы?..

— А мы — дальше. Страна большая, мир ещё больше, — ответил Миронов, обнимая жену.

Ветер сбил тополинный пух в пену у бордюра тротуара, и кто-то случайно, бросив окуроч, а может, и специально поджег его. Огненная черта на мгновение прочертилась между Лёнькой и Мироновым с Лизой, которые уходили от него в сторону не то Ярославского, не то Николаевского вокзала...

Примечания

¹ Дзюдо — японское боевое искусство, философия, единоборство без оружия. Написание «дзюу-до» бытовало в 20-е годы XX века и использовано в публикации, поскольку в тот период произошли события, ставшие основой для сюжета. (От ред.)

² Балабаны вай! (*жарг.*) — Деньги давай!

³ Блатная музыка — жаргон преступников.

⁴ Хаджиме! — Начинайте!

⁵ Институт Кодокан — организация, созданная в конце XIX века педагогом, просветителем, спортивным деятелем, создателем системы дзюдо Дзигоро Кано для изучения и пропаганды дзюдо в Японии и во всём мире, находится в Токио.

⁶ Ощепков Василий Сергеевич (1893—1937) — родоначальник советского дзюдо, основа-

тель самбо. (От ред.)

⁷ Сэой-нагэ — бросок через спину.

⁸ Тори — тот, кто выполняет бросок.

⁹ Укэ — тот, на ком выполняют бросок.

¹⁰ Укэми — самостраховка при падении.

¹¹ Додзё — зал для занятий единоборствами.

¹² Рандори — вольная схватка.

¹³ Матэ — стоп.

¹⁴ Дзюдоки — дзюдоист.

¹⁵ Лопатник — кошелек, бумажник.

¹⁶ Угол — чемодан, саквояж.

¹⁷ Бочата — часы.

¹⁸ Хипесница — проститутка, обкрадывающая клиентов.

¹⁹ На гоп взял — ограбил.

²⁰ Халдей — швейцар в ресторане.

²¹ Ксива — паспорт.

²² Сябры — соседи.

²³ Котлы — часы.

²⁴ Сам, самоз, самбез, самозащита — система рукопашного боя. Разработал В. А. Спирidonов. (От ред.)

Дмитрий Анатольевич ЕРМАКОВ

родился в 1969 году в Вологде.

Прозаик, пишет рассказы, повести, романы.

Автор более десятка книг.

Публиковался в журналах «Наши современники»,

«Подъём», «Москва» и других.

В журнале «Север» публикуется с 2003 года.

Отдельные произведения переведены на финский,

немецкий, арабский и китайский языки.

Лауреат конкурса им. В. Шукшина «Светлые души» (2006),

дипломант конкурса детской литературы им. А. Толстого (2012),

награжден международной литературной премией «Югра» (2012)

и другими.

Член Союза писателей России.

